

© 2013 г. С.Ю. БОРОДАЙ

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ: РАБОТЫ ПО ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме лингвистической относительности в контексте современных исследований по пространственной концептуализации. Акцент сделан на экспериментальных исследованиях. Рассматриваются работы С. Левинсона, Дж. Хэвиленда, П. Браун, Дж. Беннардо, Ю. Вассманна и др. Основной вопрос – это влияние систем ориентации, используемых в языке, на когнитивные способности носителей языка. Показано, что определяющим фактором в формировании некоторых когнитивных предпочтений является язык, но он не выступает единственным фактором, и его невозможно представить вне социокультурного контекста. Несмотря на значительные успехи в верификации гипотезы лингвистической относительности, еще требуется время для создания целостной теории неорелятивизма.

Ключевые слова: когнитивная антропология, лингвистическая относительность, гипотеза Сепира-Уорфа, язык и мышление, пространственная семантика, система ориентации

Article deals with a problem of linguistic relativity in the context of modern research on spatial conceptualization. Emphasis was placed on the experimental research. We analyze works by S. Levinsons, J. Haviland, P. Brown, G. Bennardo, J. Wassmann and others. The main problem is an influence of frames of reference used in language on cognitive abilities of speakers. It appears that language is the main factor in the determination of some cognitive preferences, but it never occurs in isolation, and it can't be imagined beyond the sociocultural context. Despite the significant success in verification of linguistic relativity hypothesis, we need time for developing a holistic theory of neo-relativism.

Keywords: cognitive anthropology, linguistic relativity, Whorfianism, language and thought, spatial semantics, frame of reference

Под лингвистической относительностью принято понимать представление о том, что язык оказывает существенное влияние на ментальные процессы и восприятие, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира различных языковых сообществ. В эксплицитном виде среди лингвистов данный тезис, как считается, впервые был высказан Б. Уорфом в целом ряде публикаций конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. [Уорф 1960]. Уорф находился под сильным влиянием Э. Сепира, которому принадлежат сходные положения [Сепир 1993]. По именам своих предполагаемых основателей гипотеза лингвистической относительности также часто именуется гипотезой Сепира – Уорфа. Задолго до американских лингвистов похожие положения высказывали немецкие романтики – И.Г. Гердер и В. фон Гумбольдт, далее в немецкоязычной среде эта проблема подробно разрабатывалась Э. Кассирером и Л. Вайсгербером. Несмотря на интуитивную понятность и общую прозрачность главного тезиса, гипотеза лингвистической относительности на данный момент не имеет общепринятой формулировки, а среди лингвистов и психологов активно дискутируются все основные понятия, которыми данная гипотеза может и должна оперировать. Не существует общепринятого мнения по поводу таких базовых концептов, как «язык» и «мышление», не ясно, как нужно представлять себе возможное влияние языка на мышление и каковы границы этого влияния; в каких случаях язык влияет на мышление и культуру, а в каких – мышление и культура влияют

на язык; как должен ставиться эксперимент, способный доказать наличие «уорфианского» эффекта, и может ли такой эксперимент быть поставлен и т. д. (обсуждение этих и других теоретических проблем см. в [Lucy 1992a; Pederson 2007; Bennardo 2003; Gipper 1971]). Традиционное выделение «сильной» и «слабой» версий гипотезы лингвистической относительности не спасает ситуацию: оказывается, что при последовательном рассмотрении «сильная» версия, декларирующая тотальную каузацию мышления языком, противоречит (ввиду полной языковой обусловленности исследователя) самой возможности понимания чужого языка, а значит, является лишенным смысла софизмом. Ни Сепир, ни Уорф не придерживались «сильной» версии и вообще не давали четкой формулировки какой-либо теории по этому вопросу, в связи с чем воззрения американских лингвистов также трактуются разными исследователями по-разному, а порой и прямо противоположным образом (см. [Lucy 1992a; Gentner, Goldin-Meadow 2003; Лакофф 2004; Пинкер 2004]). Симптоматично мнение Дж. Лакоффа, который утверждает, что Уорф был релятивистом в плане рассмотрения фактов и объективистом в отношении оценок [Лакофф 2004: 427]. Что касается «слабой» версии лингвистической относительности, постулирующей частичную обусловленность когнитивных способностей и поведения языком, то, по единогласному мнению, она является тривиальным утверждением, истинность которого ясна и без специальной экспериментальной проверки. Споры возникают по вопросу о том, что нужно понимать под «частичным» влиянием: относится ли это влияние к незначительным лексико-грамматическим средствам выражения или оно касается восприятия таких фундаментальных категорий, как пространство и время. В целом можно сказать, что идея лингвистической относительности со времен появления самого этого термина является не столько четко сформулированной научной гипотезой, сколько исследовательской парадигмой – крайне продуктивным лингвофилософским и когнитивным проектом, в котором прямо или косвенно задействованы все исследователи, занимающиеся проблемой «язык и мышление» (этот проект обеспечил себе большую популярность еще и ввиду его тесной связи с более общими философскими, политическими и религиозными воззрениями исследователей).

В данном очерке мы рассмотрим современные работы по пространственной концептуализации, относящиеся к тематике лингвистической относительности. Следуя общим тенденциям, ориентированным на эмпиризм, мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении теоретического ядра лингвистической относительности, но сосредоточим внимание на исследованиях экспериментальной направленности. Теоретические экспликации будут вкратце проанализированы нами в заключительной части очерка. Предварительно проблему лингвистической относительности можно сформулировать следующим образом: как лексико-грамматические особенности языка коррелируют с когнитивными способностями носителей этого языка и в каких случаях между ними может быть установлена каузальная связь. Из данной формулировки мы и будем исходить в дальнейшем.

Предпосылкой появления многочисленных экспериментальных исследований конца XX – начала XXI в. стало возобновление интереса к проблематике лингвистической относительности в начале 90-х гг. XX в., следовавшее за несколькими десятилетиями господства универсалистских тенденций в лингвистике¹. В качестве манифеста релятивистов второй волны может рассматриваться сборник статей под редакцией С. Левинсона и Дж. Гамперца [Levinson, Gumperz 1996]. В этой работе были высказаны многие важные положения, направленные на переформулировку релятивистской программы с учетом реалий когнитивных наук конца XX в. В частности, было указано на необходимость трактовки «мышления» в контексте современных когнитивных теорий, подчеркивалась неомогенность такого явления, как «язык», и необходимость выделения различных концептуальных схем внутри одного языка. Помимо общих теоретических положений сборник содержит также несколько важных экспериментальных исследований, показывающих наличие «уорфианского» эффекта в концептуализации пространства (С. Левинсон,

¹ Д. Джентнер и С. Голдин-Мидоу сравнивают репутацию релятивистских теорий в 70–80-е гг. с репутацией уфологии [Gentner, Goldin-Meadow 2003: 6].

Дж. Хэвиленд, У. Хэнкс). Издание под редакцией С. Левинсона и Дж. Гамперца в целом характеризуется разнообразием теоретических позиций и предельно широким пониманием проекта лингвистической относительности, что в каком-то смысле является вообще характеристикой релятивизма новой волны. Важные теоретические положения были высказаны также в монографии Дж. Люси [Lucy 1992a]. Дж. Люси выделил критерии для корректно проведенного исследования по проблеме влияния грамматических категорий на мышление. Он также подробно рассмотрел историю вопроса и проанализировал основные экспериментальные работы, посвященные гипотезе Сепира – Уорфа. Люси показал, что, во-первых, не существует единой трактовки данной гипотезы, а во-вторых, большинство исследований, ориентированных на опровержение или подтверждение гипотезы, не удовлетворяют базовым экспериментальным критериям. Люси также принадлежит важное исследование о классификаторах числительных в юкатекском языке [Lucy 1992b], заставившее многих профессиональных лингвистов по-новому посмотреть на гипотезу Сепира – Уорфа. Работы Люси явились важным фактором в возрождении интереса к проблематике лингвистической относительности в 90-е гг. XX в.

Вот уже несколько десятилетий главным центром, разрабатывающим проблему лингвистической относительности, выступает образованная в 1991 году Исследовательская группа по когнитивной антропологии в рамках Института психолингвистики Макса Планка в Неймергене (Cognitive anthropology research group of the Max Planck institute for psycholinguistics). Директором Исследовательской группы является один из крупнейших специалистов по языковой концептуализации пространства С. Левинсон. Свои взгляды Левинсон определяет как «нео-уорфианство», а в разнообразии языков он видит проявление различных моделей когнитивности, понимаемых им как важнейшее завоевание эволюции [Levinson 2012; Evans, Levinson 2009]. Лингвисты из Исследовательской группы по когнитивной антропологии не только реабилитировали проблематику лингвистической относительности, но и разработали инструментарий для анализа данной проблемы. Работы представителей этой группы отличаются высоким профессионализмом и основательной экспериментальной проверкой каждого высказываемого тезиса. Практически все крупные неорелятивистские исследования последних двух десятилетий прямо или косвенно связаны с деятельностью этой группы.

Тот факт, что наиболее убедительные результаты, показывающие наличие уорфианского эффекта, удалось получить в отношении пространственных категорий, контрастирует с мнением Уорфа об универсальности пространственного восприятия. Уорф отрицал возможность релятивизма в концептуализации пространства, хотя, по его мнению, на такую концептуализацию могут опосредованно влиять представления о времени, форме, материи и пр., которые варьируют от языка к языку [Whorf 1956: 158–159]. Переосмысление строгой универсалистской позиции по вопросу пространственной концептуализации связано с развитием типологии пространственных значений. Начиная с 80-х гг. данное направление лингвистической типологии, до этого опиравшееся преимущественно на факты индоевропейских языков, активно расширяется и пересматривается, что связано с включением в проблематику многочисленных материалов по неиндоевропейским языкам, особенно австралийским и австронезийским (см. краткий обзор работ [Zlatev 2007]). Одним из важных результатов этого процесса явилась детальная разработка понятия «системы референции» или «системы ориентации» (frame of reference), заимствованного из гештальтпсихологии². У разных авторов по-разному трактуется концепт «системы референции», по-разному определяются и классифицируются элементы, характеризующие данную систему, а также

² Английское «frame of reference» используется в физике и математике, где обозначает «систему отсчета», «систему координат». Представляется, что в некоторых теоретически нагруженных лингвистических контекстах это словосочетание также можно переводить как «система отсчета», но в целом больше подходит «система ориентации», «система референции», «референциальная система», чем подчеркивается воплощенность системы в дискурсе и ее зависимость от прагматического контекста, т. е., собственно, ее лингвистический характер (ср. также коннотации англ. «frame» в когнитивной лингвистике).

дается различная типология референциальных систем. По меткому замечанию Дж. Златева, «хотя все авторы и признают важность данного понятия, все же нет и двух авторов, которые бы определяли его одинаково» [Zlatev 2007: 328]. Дискуссионным остается вопрос о психолингвистической реальности «систем референции»: не до конца ясно, следует ли их рассматривать как всего лишь удобный для лингвистического анализа методологический концепт или это явление, имманентное самому языку и имеющее соответствующие нейрофизиологические корреляты.

В большинстве современных исследований по проблеме лингвистической относительности используется пространственная модель, разработанная С. Левинсоном [Levinson 2003; 1996; Majid et al. 2004]. Ввиду ее важности для обсуждаемой проблемы мы остановимся на ней подробнее. Согласно Левинсону, под референциальной системой следует понимать систему координат, функционирующую посредством указания углов и направлений для определения расположения предмета (референта) по отношению к какому-либо ориентиру; при этом референт и ориентир не соприкасаются в пространстве. Конститутивными элементами референциальной системы являются референт (или фигура, Figure), релятум (или ориентир, Ground), точка наблюдения (Viewpoint), начало системы и некоторые другие вторичные элементы. В высказывании «Джон стоит слева от дома» референтом является Джон, ориентиром – дом, началом системы – наблюдатель, а точка зрения наблюдателя совпадает с положением говорящего. Левинсон выделяет три типа референциальных систем: встроенную, или имманентную (intrinsic), относительную, или релятивную (relative) и абсолютную (absolute). Системы различаются внутренней структурой, то есть соотношением конститутивных элементов внутри системы. Левинсон признает безусловную психолингвистическую реальность всех трех типов референциальных систем и ищет их нейрофизиологические корреляты [Levinson et al. 2012].

Встроенная система характеризуется единством релятума и начала системы; в качестве релятума выступает какой-либо объект, а оси координат детерминированы особенностями формы объекта или условными обозначениями, спроецированными на объект. Прототипом для обозначения характеристик релятума часто выступают части человеческого тела или части других физических объектов (ср. *перед*, *лицо*, в некоторых языках также *голова*, *нога*, *рог*, *корень* и др.). Высказывание «Джон находится перед домом» является примером использования встроенной системы референции: референтом выступает Джон, релятумом и началом системы – дом; положение наблюдателя не имеет существенного значения. Левинсон дает следующую формальную запись для встроенной системы референции: «Имманентная реляция R (F, G) подразумевает, что F находится в обозримой области, простирающейся от G на основе угла или линии, спроектированной вовне на определенное расстояние из центра G через базовую (anchor) точку A» [Levinson 2003: 42–43]. Встроенные референциальные системы языков мира обладают значительным разнообразием. В русском и английском мы чаще всего имеем дело с системой, берущей за основу куб и проецирующей его на большую часть объектов; в результате почти все объекты могут быть представлены как имеющие верх, низ, переднюю, заднюю и боковые стороны. Иначе обстоит дело в языке цельталь, где абстрактная система по типу кубической отсутствует, но имеется детализированная система обозначений, производная от обозначений частей тела человека и животных и обладающая не всегда ясной мотивировкой (обусловленной, по-видимому, в большей степени геометрическими и в меньшей степени метафорическими факторами); ориентирование с помощью указания на «ухо» стола, «рот» чайника или «губы» огня является нормальным для носителей языка цельталь [Levinson 1994; Brown 2006]; оно характерно и для носителей других языков Центральной Америки (см. особенно классическое исследование Бругман о языке миштек [Brugman 1983]). Встроенная система референции встречается практически во всех языках мира, хотя степень ее использования разнится: от почти полного игнорирования, как в австралийском языке гуугу йимитхирр, до исключительного использования, как в майянском языке мопан.

Относительная система референции характеризуется важностью точки наблюдения для определения положения референта по отношению к релятуму; точка наблюдения

совпадает с началом системы. Высказывание «Стул стоит слева от стола» является примером использования относительной референциальной системы: референтом оказывается стул, релятумом – стол, точкой наблюдения и началом системы – положение говорящего. Прототипически данная система выступает как дейктическая и эгоцентрическая, но ее вторичные формы могут и не относиться к говорящему напрямую. Примером вторичной формы является высказывание «Джон поставил стул слева от стола», в котором точкой наблюдения и началом системы оказывается не говорящий, а Джон. Согласно Левинсону, относительная система может быть формально записана следующим образом: «Относительный релятор R выражает тройное пространственное отношение с аргументами V, F и G, где F и G не ограничены какой-либо характеристикой, за исключением того, что V должно быть связано с наблюдателем, а V и G не должны совпадать» [Levinson 2003: 47]. Важной особенностью относительной референциальной системы является способность к образованию вторичных подсистем в рамках главной системы, в результате чего приходится говорить о комплексном характере всей структуры. Так, высказывание «Джон стоит перед деревом» подразумевает, что референтом является Джон, релятумом – дерево, а точкой наблюдения и началом системы – говорящий, при этом Джон мыслится как находящийся между наблюдателем и деревом; дерево в русском языке (как и в английском языке) не может обладать имманентными характеристиками, по которым можно было бы заключить, где находится его передняя или задняя часть, поэтому в рамках первичной относительной системы координат выстраивается дополнительная подсистема, начало которой ассоциировано с положением дерева и которая образована в виде зеркального отражения первичной системы; такую подсистему можно назвать в данном случае «квазивстроенной». В типологическом отношении релятивные системы могут отличаться по следующим характеристикам: внутренняя структура системы, базовая ось системы, степень использования вторичных подсистем и др. Особенно интересны различия в способах образования вторичных подсистем, среди которых можно выделить отражение, перенос и вращение. Если при отражении рассмотренное выше высказывание будет обозначать, что Джон стоит между говорящим и деревом, то при переносе, имеющем место, например, в маркизском и тонганском языке, Джон будет мыслиться стоящим за деревом. Наконец, при вращении, зафиксированном в одном из диалектов тамильского языка, фраза «Джон стоит слева от дерева» будет обозначать, что Джон стоит по правую руку от говорящего [Levinson 2003: 85–88]! Относительная система ориентации встречается не во всех языках мира: она отсутствует в австралийских языках гуугу йимитхирр, джамиджунг, аррернте, варрва, в папуасском языке йеле дне, в уже упоминавшемся языке цельталь. В некоторых языках эта система, напротив, используется крайне широко: таков случай тамильского языка [Pederson 2006].

Абсолютная система референции характеризуется фиксированной осью координат, не зависящей от формы релятума; ключевую роль играет твердая фиксация направлений внутри системы на основе ландшафта или абстрактной схемы, чаще всего генетически восходящей также к какому-либо природному ориентиру (поэтому абсолютную систему часто называют «геоцентрической»). Примером использования такой системы является высказывание «Джон стоит к северу от дома»: референтом выступает Джон, релятумом и началом системы – дом, при этом оси, указывающие на стороны света, твердо зафиксированы и их направление не зависит от формы релятума и даже его положения. Левинсон дает следующую формальную запись для абсолютной системы референции: «Абсолютный релятор R выражает бинарное отношение между F и G, подразумевающее, что F может быть найден в обозримой области по фиксированному направлению R от G» [Levinson 2003: 50]. Для носителей европейских языков абсолютные системы ориентации экзотичны и потому наиболее интересны³. Их типология пока еще слабо

³ Впрочем, вопрос о том, в какой степени использование абсолютной системы характерно для индоевропейских языков, еще мало изучен. Недавние исследования показали, что, по крайней мере, некоторые современные индоиранские языки активно используют абсолютную систему.

разработана (см. примеры в [Pederson 1993; Palmer 2002; Bennardo 2004]). Можно выделить два полярных типа, между которыми располагаются все засвидетельствованные абсолютные структуры: тип с абстрактными осями и тип с привязкой к особенностям ландшафта. Возможно также сочетание элементов каждого из типов: так, в некоторых австронезийских языках одна ось абстрагирована на основе направления муссонов и она является фиксированной, а другая ось зависит от расположения главной горы или основного холма [Palmer 2002]. Оси системы координат могут абстрагироваться на основе направления ветра, движения солнца, положения звезд и др. Системы референции, привязанные к конкретному ландшафту, отличаются большим многообразием: оси могут ассоциироваться с течением реки, положением главного холма, положением моря, озера, тропы и др. Абсолютная система не является универсальной, но распространена она достаточно широко. Эта система особенно активно используется в языках Океании и даже реконструируется для океанийского праязыка [Francois 2004].

Понятие «системы референции» не дает исчерпывающего описания пространственной концептуализации; оно охватывает только горизонтальную плоскость пространства и те случаи, когда референт и релятум находятся на некотором расстоянии друг от друга. Полноценное описание пространственной концептуализации, согласно Левинсону, требует включения остальных элементов пространственной модели: вертикального плана, движения, топологии, топонимии, дейксиса [Levinson 2003: 64–111]. Между тем именно пространственные отношения в горизонтальной плоскости легче всего поддаются психолингвистическому тестированию, чем и обусловлено повышенное внимание психолингвистов к данной области⁴. Наибольший интерес с точки зрения проблематики «язык и мышление» представляют языки, активно использующие абсолютную систему референции, а также языки, в которых отсутствует относительная система референции или в которых ее использование минимизировано. Главная задача заключается в том, чтобы понять, в какой степени использование подобной семантической структуры аффицирует когнитивность и чем когнитивные способности носителей языков с доминирующей абсолютной системой отличаются от способностей носителей языков с иными стратегиями пространственного кодирования. В наше время существует достаточно много работ экспериментальной направленности, посвященных данной проблеме. Мы рассмотрим подробно задокументированные опыты С. Левинсона и Дж. Хэвиленда с носителями языка гуугу йимитхирр, опыты С. Левинсона и П. Браун с носителями языка цельталь, опыты Дж. Беннардо с носителями тонганского языка, опыты Ю. Вассманна и П. Дасена с носителями балийского языка, а также другие менее детальные опыты. Практически во всех современных исследованиях по данной проблеме используются лингвистические тесты и тесты на невербальное поведение, разработанные Исследовательской группой по когнитивной антропологии из Неймегена. Только часть из них описана в данном очерке (см. далее рис. 2, 3, 5), более подробное описание может быть найдено в работах [Senft 2007; Danziger 1993; Levinson 2003].

Наиболее интересные результаты удалось получить С. Левинсону и Дж. Хэвиленду с носителями языка гуугу йимитхирр. Гуугу йимитхирр (семья пама-нюнга) – это язык, на котором говорят около 800 человек в деревне Хоп Вейл (Квинсленд, Австралия). Гуугу йимитхирр является агглютинативным и всецело суффиксальным языком, он характеризуется типичной австралийской системой фонем, эргативностью, свободным порядком слов и достаточно сложной именной и глагольной морфологией [Naviland 1979]. Главной особенностью языка гуугу йимитхирр является наличие абсолютной системы референции при практически полном отсутствии других типов референциальных систем. Абсолютная система выражается с помощью специального класса локативных имен. Четыре основных корня маркируют четыре базовых квадранта, которые сдвинуты по сравнению с румбом компаса примерно на 15–20° по часовой стрелке: *gungga-* «северная сторона», *jiba-* «южная сторона», *giwa-* «западная сто-

⁴ Далее мы также сосредоточим внимание именно на этом аспекте пространственной концептуализации.

рона», *naga*- «восточная сторона». От данных корней с помощью дюжины суффиксов (включая суффиксы некоторых падежей) образованы около 50 основ, которые с успехом покрывают всю горизонтальную плоскость пространственных отношений. Эти формы также регулярно используются при глаголах движения. Вместе с системой падежей и несколькими топологическими обозначениями они составляют костяк пространственной лексики. По подсчетам Хэвиленда, примерно каждое десятое слово в речи носителей гуугу йимитхирр является локативным именем. В гуугу йимитхирр отсутствуют какие-либо признаки относительной системы референции: есть отдельные обозначения для правой и левой руки, но они не используются в пространственных описаниях; в этом языке, по-видимому, также отсутствует имманентная система референции (или, по крайней мере, используется крайне редко). С другими особенностями кодирования пространства в гуугу йимитхирр можно ознакомиться по работам Хэвиленда и Левинсона [Haviland 1993, 1998; Levinson 1997].

Императивность абсолютной системы референции связана в данном случае с семантической ограниченностью базовых локативных имен. Скудность базовой пространственной лексики, ее семантическая специфика, а также условия ее употребления способствуют тому, что носители языка гуугу йимитхирр должны уметь всегда точно определять собственное местоположение и расположение осей абсолютной системы для того, чтобы правильно говорить на родном языке. В тех случаях, когда для этого есть некоторые препятствия или когда это в принципе невозможно, они должны конструировать абстрактные оси. Многочисленные эксперименты, проведенные Левинсоном и Хэвилендом с аборигенами гуугу йимитхирр, показали, что особенности лингвистического кодирования оказывают существенное влияние на мышление, поведение, память, ориентацию в пространстве и прочие когнитивные способности. Рассмотрим вкратце некоторые из экспериментов.

Ситуация, изображенная на рисунке 1, была описана носителем гуугу йимитхирр, стоявшим лицом к северу, следующим образом [Levinson 2003: 119]:

<i>bula</i>	<i>gabiirr</i>	<i>gabiirr</i>	<i>nyulu</i>	<i>nubuun</i>	<i>yindu</i>	<i>buthiil</i>	<i>naga</i>	<i>nyulu</i>	<i>yindu</i>
DU	девочка	девочка	3SG	одна	другая	нос	восток	3SG	другая
<i>buthiil</i>	<i>jibaarr</i>	<i>yugu</i>	<i>gaarbaarr</i>	<i>yuulili</i>	<i>buthiil</i>	<i>jibaarr</i>	<i>nyulu</i>		
нос	юг	дерево	между	стоять	нос	юг	3SG		

baajiiljil

плакать-NPST

«(Здесь) две девушки, одна (стоит) лицом к востоку, другая – лицом к югу, между ними стоит дерево; девушка, стоящая лицом к югу, плачет».

После смены расположения испытуемый менял описание в соответствии с направлениями осей абсолютной системы. Этот эксперимент показывает, что носители гуугу йимитхирр прибегают к конструированию абстрактных осей на основе реальных направлений в случаях, когда соответствующая информация не может быть получена извне. Все пространства, будь они актуальными или воображаемыми, кодируются носителями гуугу йимитхирр в соответствии с абсолютными осями. Данный вывод подтверждается также другим экспериментом, подготовленным Левинсоном. Десяти информантам был продемонстрирован шестиминутный фильм, в котором изображались различные события без каких-либо комментариев к ним. Задача состояла в том, чтобы пересказать содержание фильма другому носителю гуугу йимитхирр. В результате каждое из описаний содержало подробности, относящиеся к виртуальному пространству за экраном; события описывались так, как будто действия имели место в реальном пространстве с фиксированными осями абсолютной системы референции, при этом – как и в опыте с изображением – описание зависело от положения телеэкрана. Как заметил один из молодых информантов, «когда пожилые люди пересказывают сюжет, вам всегда известно, в каком они находились положении при просмотре телевизора» [Levinson 2003: 131]. В рамках другого эксперимента, поставленного Левинсоном, пяти испытуе-

Рис. 1.

героев, само кораблекрушение, а также рассказал о возвращении домой вплавь по реке, кишасей акулами. При описании Бэмби активно использовал жестикуляцию, при этом он стоял лицом на запад. В 1982 году Бэмби вновь перед камерой рассказал историю о кораблекрушении. Он более или менее детально воспроизвел ту же информацию. При этом он также использовал жестикуляцию, но на этот раз Бэмби стоял лицом к северу. Хэвиленд сравнил две пленки и представил подробный анализ пространственной лексики и жестового языка [Naviland 1993]. Оказалось, что Бэмби не только в обоих случаях использовал идентичную пространственную лексику, но и жестикулировал, сообразуясь с собственным положением, относительно фиксированных осей абсолютной пространственной системы. Бэмби соблюдал точность в таких деталях, как расположение главных героев по отношению друг к другу, расположение лодки, направление прыжка с лодки, положение акулы и т. д.

Особенности запоминания пространственной информации проверялись также Левинсоном в эксперименте с группой носителей гуугу йимитхирр, которые за два с половиной месяца до эксперимента ездили на дипломатическую встречу, имевшую место в 250 километрах от Хоп Вейла. Встреча проходила в помещении без окон, находившемся достаточно далеко от города, так что связать положение здания с общей городской планировкой не было никакой возможности. Уже в Хоп Вейле Левинсон расспрашивал участников поездки о таких подробностях, как положение делегатов, планировка здания, расстановка мебели в номере отеля и др. Во всех случаях ответы испытуемых были мгновенными и точными [Levinson 2003: 131].

Наиболее интригующие результаты были получены Левинсоном в экспериментах, связанных с навигационным счислением пути. Основное предположение заключалось в том, что, благодаря специфической пространственной лексике, носители гуугу йимитхирр обязаны всегда точно знать направление абстрактных пространственных осей, чтобы говорить на родном языке. Для проверки данного тезиса Левинсон взял за основу более ранние опыты Льюиса, проводившиеся с пятью аборигенами Западной Австралии. В экспериментах принимали участие десять носителей гуугу йимитхирр в возрасте от 35 до 70 лет. Опыты проводились как во время поездок на сравнительно далекие расстояния от Хоп Вейла, так и в самом Хоп Вейле. Информанты заранее не знали о готовящемся эксперименте, все происходило спонтанно. Задача заключалась в том, чтобы указать расположение определенных объектов, находившихся вне зоны видимости

мым было предложено рассказать о том, как нужно охотиться на большую морскую черепаху. Во всех случаях описание включало детали, касающиеся направления осей абсолютной системы и расположения охотников, лодки и черепахи в рамках этой системы [Levinson 2003: 144]. Абсолютная система также реконструировалась при переводе некоторых новозаветных высказываний с английского на гуугу йимитхирр и при описании сновидений [Levinson 2003: 144–145].

Особенности концептуализации пространства оказывают влияние на память, о чем свидетельствует серия экспериментов, проведенных Хэвилендом с пожилым информантом Джэком Бэмби. В 1980 г. Хэвиленд заснял на пленку повествование Джека Бэмби о том, как тот со своим приятелем потерпел кораблекрушение на небольшом двухмачтовом судне. Бэмби детально описал, расположение главных

испытуемых. К таким объектам относились горы, устья рек, водопады, мысы, острова, стоянки животных и т. д. Расстояние от испытуемого до соответствующего объекта составляло от 2 до 350 км. В большинстве случаев испытуемый находился в условиях с ограниченным обзором (в среднем на 20–30 метров), возможность использования природных ориентиров была практически исключена. Вопреки ожиданиям Левинсона, ответ давался обычно в течение нескольких секунд, часто путем мгновенного жеста в направлении объекта. Далее полученные материалы сравнивались с показателями GPS-навигатора, компаса и наиболее детальными картами местности. Результаты свидетельствуют о крайне высоких способностях испытуемых к навигационному счислению. В общей сложности в 160 испытаниях среднее отклонение от правильного направления составило $13,5^\circ$, при этом отклонение от нормы в 45 случаях было меньше 5° , а 13 ответов оказались абсолютно точными (см. таблицы и обсуждение в [Levinson 2003: 216–243]).

Левинсон произвел подробное сравнение полученных результатов с аналогичными опытами, проводившимися П. Браун с носителями языка цельталь и Т. Видлоком с носителями койсанского языка хайльом. В обоих языках доминирует абсолютная система референции и результаты аналогичны тем, которые были получены с аборигенами гуугу йимитхирр. Левинсон и его коллеги провели также опыты с носителями английского и голландского языков, то есть языков, где доминирует относительная система референции. Испытуемые проявили низкую способность к навигационному счислению, хотя условия эксперимента были более простыми, чем в случае с носителями абсолютной системы ориентации. Носители английского языка, которые были специально подготовлены к эксперименту и задача которых заключалась в том, чтобы пройти 1 км в лесу и затем указать на начало пути, только в половине случаев попали в пределы 90° . Носители же голландского языка вообще не справились с заданием и показали результаты, которые с точки зрения статистики свидетельствуют о том, что положения объектов указывались ими случайно.

Таким образом, налицо корреляция между использованием абсолютной системы референции и способностями к навигационному счислению. Показанные носителями гуугу йимитхирр и цельталь результаты впечатляют: по подсчетам Левинсона, они являются более точными, чем результаты почтовых голубей! Левинсон резюмирует опыты по навигационному счислению следующим образом: «Для того чтобы говорить на языке, который кодирует углы на горизонтальной плоскости в абсолютных координатах, человеку необходимо быть постоянно сориентированным (знать положение “севера” или “юга”) и, кроме того, необходимо знать, где он или она находятся по отношению к другим местам, на которые может возникнуть необходимость указать. Эта система никогда не может “взять выходной”, поскольку никто не знает, о каком опыте или о каких направлениях человеку может понадобиться заговорить. Такие языки, как было показано, *устанавливают* более или менее устойчивое основание для навигационного счисления. Говорение на таком языке, следовательно, это *достаточное*, хотя и не обязательное, условие для того, чтобы хорошо владеть навигационным счислением» [Levinson 2003: 241].

Другая серия экспериментов, проведенная Левинсоном, включала в себя психологические тесты и задания, направленные на выявление особенностей невербального поведения. Левинсон исходил из предположения о том, что, в отличие от носителей языков с доминирующей релятивной системой референции, носители гуугу йимитхирр не должны каждый раз поворачивать систему координат при собственном вращении. Для проверки данного предположения были использованы разнообразные тесты из арсенала Исследовательской группы по когнитивной антропологии. В экспериментах участвовали носители гуугу йимитхирр и носители голландского языка. Прототип самого простого задания представлен на рисунке 2а: испытуемый смотрит на изображение стрелки, указывающей на север и, соответственно, в правую сторону, запоминая это изображение, разворачивается через некоторое время на 180° и выбирает на другом столе то изображение, которое, по его мнению, тождественно первому. Как показыва-

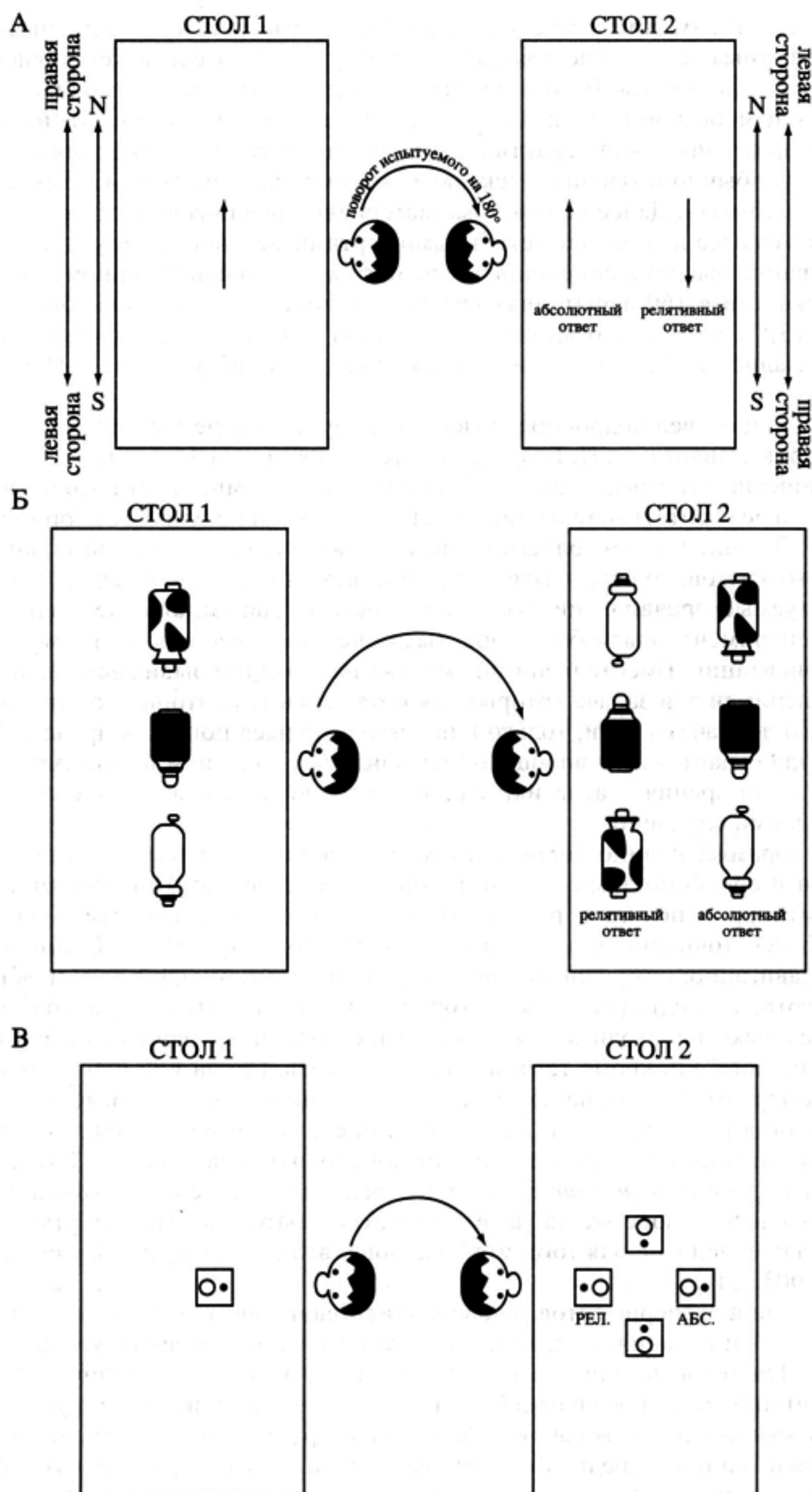

Рис. 2. Прототипы экспериментов Исследовательской группы из Неймегена [Levinson 2003]

ют результаты, носители гуугу йимитхирр практически во всех случаях предпочитают изображение, которое указывает на север, а не вправо. По этой же модели построены и другие эксперименты (см. рис. 2).

Более сложное задание проводилось в двух противоположных комнатах, где была расставлена мебель так, что одна комната выступала полностью идентичной другой, но как бы повернутой на 180°. Испытание проводилось возле столов, стоявших в разных комнатах, поэтому испытуемые при подходе к столам оказывались лицом либо к северу, либо к югу. На столах раскладывались карточки с изображенными на них красными и голубыми прямоугольниками разной длины (см. рис. 3). Испытуемый заходил в первую комнату, где его просили запомнить одну из двух карточек; затем он шел к столу во второй комнате, где его просили указать карточку, идентичную той, которую он уже выбрал, и вновь запомнить ее. Далее испытуемый возвращался в первую комнату, где карточки уже поменяли местами; его вновь просили выбрать карточку, идентичную запомненной. Наконец, он шел во вторую комнату, где его ожидало то же самое задание, но карточки были разложены вдоль стола. Предположение заключалось в том, что носители гуугу йимитхирр будут запоминать карточку в соответствии с осями абсолютной системы. В испытании участвовали 12 носителей гуугу йимитхирр (билингвов) и 15 голландцев. Инструктаж по эксперименту проводился с аборигенами на английском языке, чтобы исключить возможность языкового влияния. Результаты эксперимента показывают, что носители гуугу йимитхирр чаще демонстрируют абсолютную тенденцию, которая заключается в том, что выбираемые карточки имеют одну и ту же структуру, не зависящую от точки наблюдения испытуемого. Из 34 попыток аборигенов 27 соответствовали абсолютному направлению и лишь 7 – релятивному. В противоположность этому носители голландского языка из 45 попыток показали 44 релятивных направления. Во всех других экспериментах у носителей гуугу йимитхирр также преобладает абсолютная тенденция, в то время как носители голландского языка неизменно демонстрируют релятивную тенденцию. Проведенные эксперименты и их результаты детально описаны в работе Левинсона [Levinson 1997].

К рассмотренным опытам Левинсон и Хэвиленд добавляют также разнообразные ремарки и нюансы, выявленные во время экспериментов, многочисленные анекдоты и факты рефлексии информантов-билингвов над спецификой собственного языка и собственного мышления. Приведенные материалы несомненным образом свидетельствуют о том, что мы имеем дело не просто с группой людей, хорошо ориентирующихся в пространстве, но с языковым сообществом, члены которого обладают специфическими когнитивными способностями, во многом детерминированными особенностями родного языка. Сложность представляет вопрос о том, в каком объеме и на каком этапе имеет место языковая детерминация, но корреляция между лексико-грамматическими особенностями языка и соответствующими когнитивными способностями несомненна. Проведенные эксперименты являются хорошим доказательством существования глубинного влияния языка на мышление и когнитивную область. Влияние затрагивает, прежде всего, память, ориентацию в пространстве, жесты, а также невербальное поведение в широком смысле. Большое значение имеют разбираемые Хэвилендом социокультурные и дискурсивные последствия языковой практики [Naviland 1993].

Важные результаты были получены С. Левинсоном и П. Браун в экспериментах с носителями языка цельталь из мексиканского города Тенейпа [Brown, Levinson 1992; 1993a; 1993b; 1994]. Цельталь (семья майя) – это язык, на котором говорят около 200 тыс. человек в штате Чьяпас на юго-востоке Мексики. Цельталь характеризуется умеренным полисинтетизмом, использованием суффиксов и префиксов, порядком слов VOS и чрезвычайно широким лексико-грамматическим инструментарием для маркирования пространственных значений. Подробное описание этого инструментария было сделано П. Браун [Brown 2006]. В языке цельталь используются встроенная и абсолютная системы референции. Встроенная система состоит из 15 обозначений частей тела человека и животных, которые проецируются на релятум. Эта система используется при описании отношений между фигурой и релятумом в случаях, когда они находятся

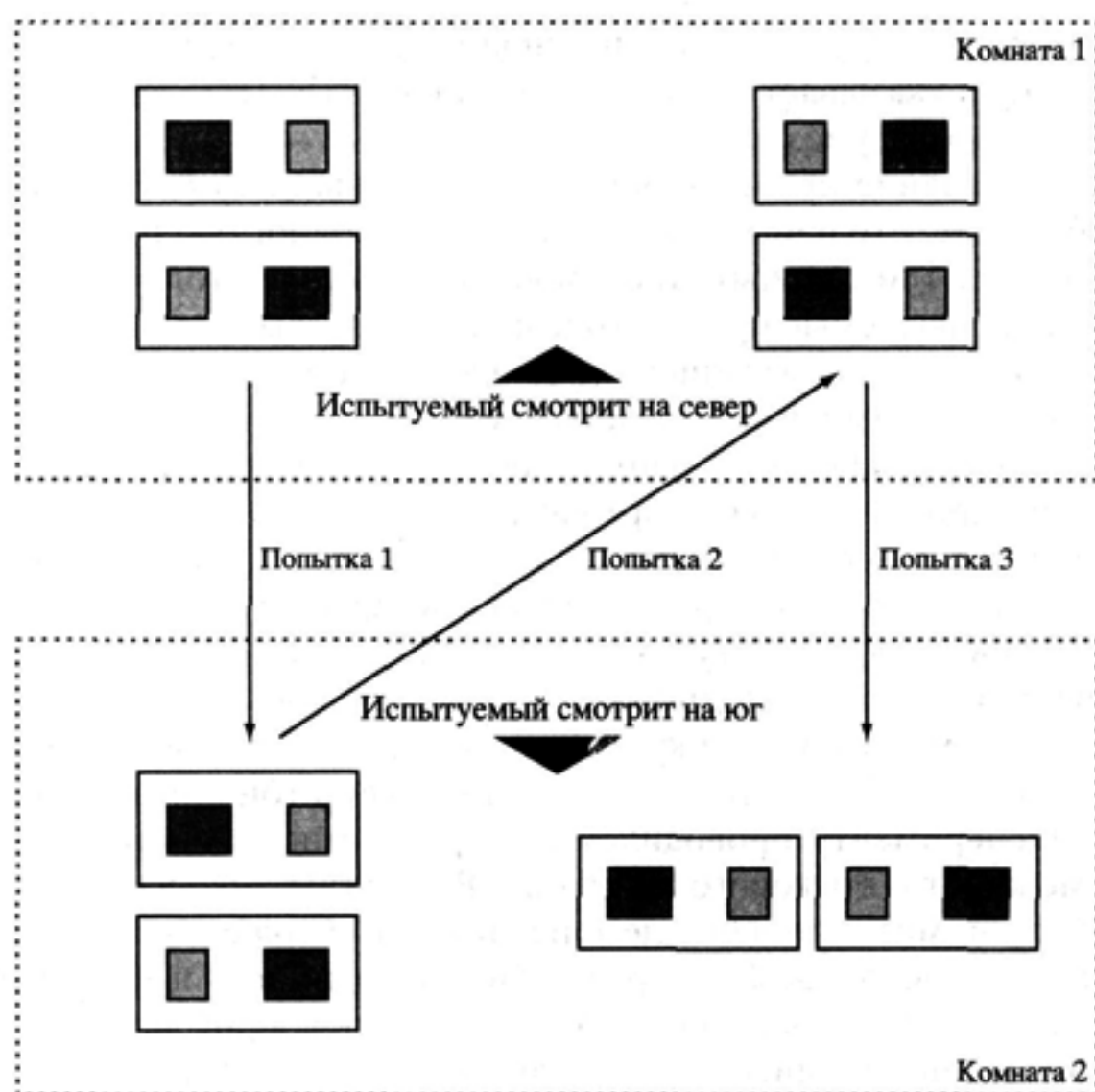

Рис. 3. Эксперимент, проводившийся с носителями гуугу йимитхирр [Levinson 2003: 137]

рядом. К обозначениям относятся как достаточно типичные – *jol* «голова», *elaw* «лицо», *akan* «нога», так и редкие – *ch'ujt* «желудок», *chikin* «ухо», *nuk'* «колени»; часто они также выражают топологический аспект пространственной концептуализации. Абсолютная система референции используется при описании отношений между фигурой и релятумом в тех случаях, когда они находятся на значительном расстоянии друг от друга. Одна из осей абсолютной системы абстрагирована на основе расположения главного холма: *ajk'ol* «вверх по холму» и *alan* «вниз по холму» фактически обозначают «юг» и «север», в определенных позициях эти слова обозначают также «верх» и «низ». Другая ось не разделена на восточную и западную часть и выражена только одним существительным *jejch* «поперек (на восток или на запад)». Что касается релятивной системы референции, то ее элементы отсутствуют в языке цельталь: есть отдельные обозначения для левой и правой руки, передней и задней частей тела, но они не используются для маркирования пространственных отношений.

Влияние абсолютной системы ориентации на когнитивные способности индейцев цельталь ведет к тем же последствиям, что и в случае с носителями гуугу йимитхирр: индейцы цельталь конструируют все реальные и воображаемые пространства в соответствии с осями абсолютной системы, они хорошо ориентируются в пространстве, с точностью используют язык жестов, отдают себе отчет в специфике собственного мышления и часто шутят по этому поводу. Навигационные способности носителей цельталь исследовались П. Браун, о чем уже было сказано ранее; в целом результаты несколько хуже, чем у аборигенов гуугу йимитхирр (что, возможно, объясняется нестандартностью условий эксперимента), но по точности они значительно превосходят результаты англичан и голландцев. Наконец, целая серия опытов по выявлению особенностей невербального поведения свидетельствует о том, что носители цельталь, как и носители гуугу йимитхирр, тяготеют к абсолютному кодированию пространственных отношений и избегают релятивного кодирования. Эксперименты были того же типа, что и в случае

с австралийскими аборигенами (см. рис. 2), поэтому мы не будем сейчас на них останавливаться; их подробное описание можно найти в работах Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1993a; Levinson 2003].

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о том, как отсутствие релятивной системы ориентации влияет на когнитивные способности индейцев. В языке цельталь существуют обозначения для правой и левой руки: *xin k'ab(al)* «левая рука» и *wa'el k'ab(al)* «правая рука». Оба слова являются композитами, состоящими из существительного «рука», *k'ab*, и существительного со значением стороны. Обозначения сторон могут также употребляться в отношении ног и в некоторых случаях в отношении ушей и глаз, но вне композитов они не встречаются. Обозначения правых и левых конечностей применимы только к людям и животным, при этом они никогда не используются как обобщенные пространственные понятия, то есть они не могут рассматриваться в качестве абстрактных указателей направления, также они не могут проецироваться на неодушевленные объекты. Отсутствие у неодушевленных объектов «правой» и «левой» стороны является важной спецификой встроенной системы референции. Выше уже отмечалось, что в языке цельталь используются встроенная и абсолютная системы. Встроенная система используется в тех случаях, когда расстояние между фигурой и релятумом минимально, и часто она пересекается с топологическими описаниями; в остальных случаях используется абсолютная система. Специфическая дополнительная дистрибуция между референциальными системами в совокупности с отсутствием релятивной системы и спецификой встроенной системы оказывает существенное влияние на когнитивные способности: вероятно, именно здесь кроется главная причина того, что носители языка цельталь испытывают трудности при различении зеркальных образов.

Проблеме различения зеркальных образов, или энантиоморфов, посвящено классическое исследование Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1994]. Они рассматривают особенности мышления носителей языка цельталь в контексте западных представлений об универсальности противопоставления левой и правой сторон тела. Из западных исследователей принципиальную необходимость такой дистинкции отстаивал Кант в «докритический» период своего творчества [Кант 1964 (1768)]. В полемике с теорией Лейбница о пространстве как о совокупности отношений между вещами Кант привел несколько мысленных экспериментов, которые, по его мнению, показывают, что при отсутствии восприятия асимметрии трехмерного абсолютного пространства, производной от асимметрии нашего тела, мы должны были бы считать зеркально отраженные объекты тождественными. Кант привел пример с правой и левой рукой, а также с перчатками для правой и для левой руки, но его тезис справедлив и в отношении других энантиоморфов. Несколько упрощенно тезис Канта можно резюмировать следующим образом: не имея представления о левой и правой стороне человеческого тела, мы не можем иметь и представления о левой и правой сторонах внешнего объекта, а значит, энантиоморфы должны казаться нам одним и тем же объектом; более того, согласно Канту, другим следствием данной ситуации было бы неразличение восточного и западного направлений, а также неразличение движения по часовой стрелке и против часовой стрелки. Браун и Левинсон добавляют к данному тезису Канта другие европейские концепции, предполагающие универсальность чувства асимметрии. Например, Р. Герц указывал, что асимметрия левого и правого всегда метафорически связана с такими социальными явлениями, как смерть и рождение, ложь и истина, зло и добро и т. д., а Ж. Пиаже выделял три универсальные стадии в усвоении детьми понятий «левого» и «правого»: до усвоения этих понятий дети всегда их смешивают, далее на первой стадии они учатся различать собственные руки, на второй стадии они правильно определяют руки собеседника, на третьей стадии они уже используют «левое» и «правое» для указания пространственных отношений между объектами. Рассматривая эти и другие концепции с опорой на лексико-грамматические особенности языка цельталь и результаты многочисленных экспериментов, Браун и Левинсон показывают, что многие из западных теорий, претендующих на универсализм, в действительности не являются универсальными.

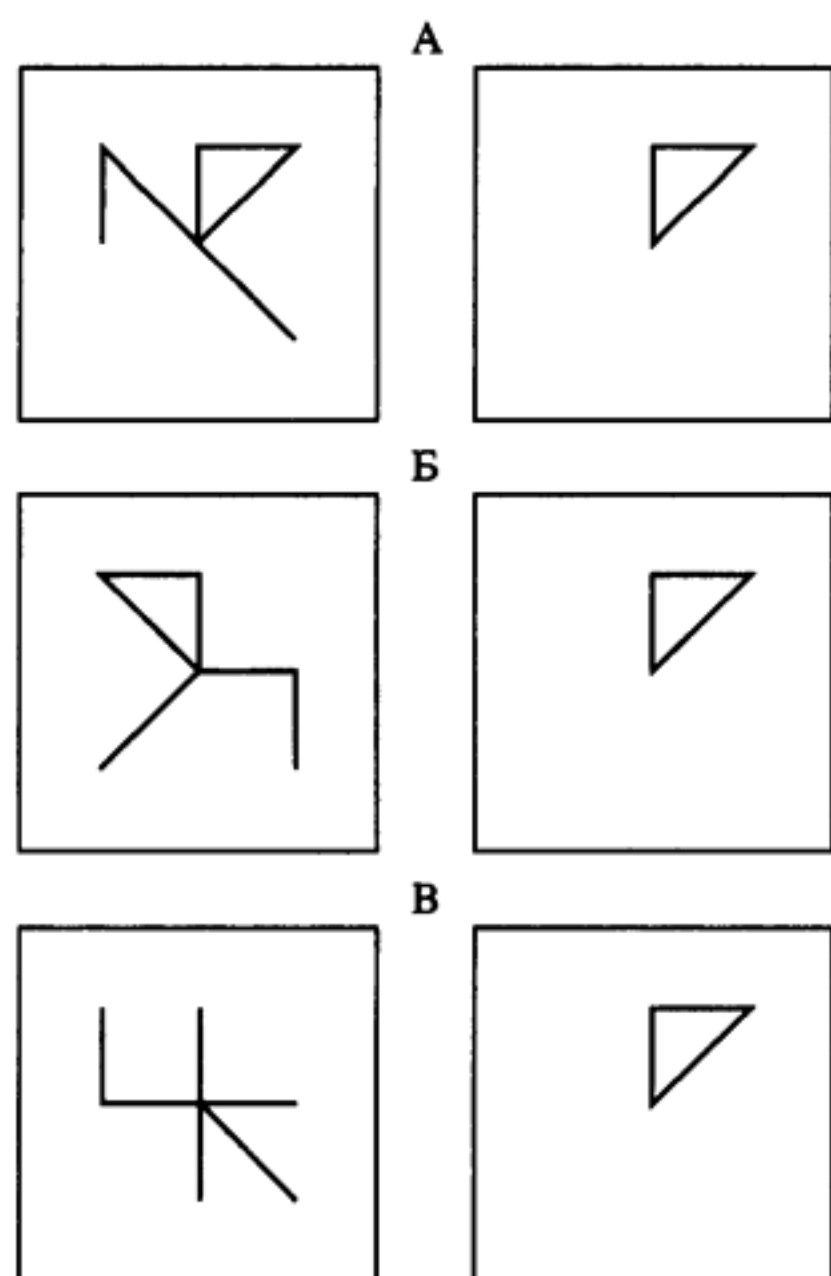

Рис. 4. Тест на различение энантиоморфов [Brown, Levinson 1994: 31]

из фигур заменялась ее энантиоморфом (рис. 4б). Наконец, добавлялась третья пара рисунков, на одном из которых изображена самостоятельная фигура, а на другом – группа линий, из которых не может быть вычленена исходная фигура (рис. 4в). Общая модель эксперимента представлена на рисунке 4. Задача испытуемых заключалась в том, чтобы определить, в каком случае перед ними одна и та же фигура, в каком – зеркальный образ, а в каком – набор линий. В эксперименте принимали участие 16 индейцев цельталя и 15 носителей голландского языка. Как и предполагалось, все носители голландского языка с легкостью отличили фигуру от ее зеркального образа. Что касается говорящих на языке цельталя, то только один человек из 16 регулярно отличал фигуру от энантиоморфа. При этом все испытуемые хорошо отличали фигуру от не-фигуры, что говорит о правильном понимании задания. Чтобы исключить влияние социокультурных факторов, в частности неграмотности испытуемых, были проведены аналогичные эксперименты с индейцами тотонак, живущими в сходных географических и культурных условиях, но говорящих на другом языке. Тотонаки справились с заданием примерно на том же уровне, что и носители голландского языка. Проходившие похожие тесты неграмотные европейцы также хорошо справились с заданием.

Интересно, что индейцы цельталя демонстрируют разную способность к различению энантиоморфов в зависимости от того, являются энантиоморфы одушевленными или нет. Вероятно, это связано с тем, что различение «правой» и «левой» частей тела дано в языке цельталя только в рамках встроенной системы референции и только в отношении одушевленных существ. В одном из экспериментов испытуемым предлагалось описать рисунки, на которых были изображены люди. При описании, как правило,

В общей сложности Браун и Левинсон провели 11 экспериментов, посвященных данной проблеме [Brown, Levinson 1992; 1994]. Проверялись такие особенности мышления индейцев цельталя, как способность к различению собственных рук и рук собеседника, способность к различению неодушевленных энантиоморфов, способность к выделению характерных черт энантиоморфов и др. Результаты, полученные с носителями цельталя, сопоставлялись с результатами аналогичных экспериментов, проводившихся с группой голландцев. В большинстве случаев имеют место принципиальные различия в выполнении заданий, которые свидетельствуют о глубинной корреляции между когнитивными способностями и лексико-грамматическими особенностями концептуализации пространства.

В одном из экспериментов испытуемым предлагались 19 пар изображенных фигур, каждая пара состояла из самостоятельной фигуры и той же самой фигуры, вписанной в какой-либо рисунок, из которого, как предполагалось, она с легкостью может быть вычленена. Два треугольника, изображенные на рисунке 4а, являются примером такой пары. Далее к этой паре добавлялась пара тех же фигур, но одна

использовались слова, обозначающие части тела. Например, рисунок с мужчиной, стоящим с правой стороны от женщины, описывался с помощью следующей фразы:

<i>Tek'el</i>	<i>ta,</i>	<i>ta</i>	<i>s-wa'el</i>	<i>k'ab</i>	<i>te</i>	<i>antz</i>	<i>te</i>	<i>winik-e</i>
стоять	PREP	PREP	3SG.ERG-правая	рука	ART	женщина	ART	мужчина-CL

«Мужчина стоит по правую руку от женщины».

В данном случае используется встроенная система референции, поскольку описание производится с опорой на особенности строения релятума («правая рука женщины»). Но подобное описание не применяется носителями цельталь к неодушевленным предметам, поэтому, например, описание картинки с изображенным кубом и конусом является одним и тем же вне зависимости от того, находится конус по левую или по правую сторону от куба. Данная информация просто нерелевантна для индейца цельталь. Но самое удивительное то, что фотография неодушевленного предмета и фотография его энантиоморфа описываются испытуемыми как «одно и то же», а сфотографированная рука лишь с большим трудом распознается как «правая» или «левая» [Brown, Levinson 1994: 29-30].

Слова со значением «вверх по холму» и «вниз по холму», играющие важную роль в рамках абсолютной системы референции, в некоторых контекстах также используются носителями цельталь для обозначения «верха» и «низа». Возможность такого дейктического использования понятий, исконно функционирующих внутри абсолютной системы, заставляет предполагать, что неразличение направлений одной из абсолютных осей (*jejch* «поперек») связано с отсутствием обозначений для правой и левой стороны (ср. с идеей Канта о том, что без различения левой и правой стороны мы не могли бы различать восток и запад). Интересно, что абсолютной системе в языке цельталь соответствует система из трех глаголов движения, в которой одна из осей также немаркирована с точки зрения направления: глагол *to* значит «идти вверх», *ko* – «идти вниз», а глагол *jelaw* «идти поперек». Как отмечают Браун и Левинсон, направления не различаются и в круговом движении: не существует противопоставления между движением по часовой стрелке и движением против часовой стрелки.

Лексико-грамматические особенности языка и специфика когнитивных способностей коррелируют с некоторыми особенностями культуры индейцев. Прежде всего, заслуживает упоминания тот факт, что в культуре цельталь отсутствует символическая оппозиция между «правым» и «левым» («правое» не ассоциируется с «правильным», «истинным», «хорошим» и т. д.), хотя таковая встречается уже в соседней культуре цоциль. В ритуальной системе направления не обладают символическим смыслом, и процессии могут идти вокруг города как по часовой, так и против часовой стрелки; в некоторых случаях отдается предпочтение одному из направлений, но выбранное направление никогда не имеет символического значения. Жилище обладает определенным внутренним планом, но его развертывание (слева направо или справа налево) произвольно и в разных домах реализуется по-разному. Центральный вход в жилище открывается не слева направо и не справа налево, но вовнутрь. Традиционные сосуды никогда не имеют только одну ручку, которую можно было бы расположить справа или слева. В культуре также практически не встречаются пары объектов-энантиоморфов (исключением является только обувь). Было бы преждевременным считать, что все эти особенности культуры являются следствием специфики языка, но имеющаяся корреляция не может быть признана случайной. Очевидно, отсутствие у индейцев цельталь внимания к асимметрии, выводимое из особенностей языковой концептуализации, оказывает существенное влияние на поведение, а значит – и на культуру, но для определения границ этого влияния еще требуются детальные исследования.

Таким образом, язык цельталь сразу с нескольких точек зрения представляет интерес для проблемы лингвистической относительности. Во-первых, при описании пространственных отношений между фигурой и релятумом в нем часто используется абсолютная

система референции, что способствует конструированию всех реальных и воображаемых пространств в соответствии с осями абсолютной системы; также это является предпосылкой хорошей ориентации в пространстве, прекрасных навыков навигационного счисления и условием специфического невербального поведения. Во-вторых, используемая встроенная система обладает целым рядом особенностей, связанных с проекцией частей тела человека и животных на релятум, что пока лишь частично исследовано в рамках когнитивной проблематики (ср. здесь же разветвленная система терминов для топологических описаний). В-третьих, дополнительная дистрибуция между абсолютной и встроенной системами, а также отсутствие релятивной системы выступают условием неразличения энантиоморфов. Эта особенность языка цельтал является уникальной, и она ведет к уникальным последствиям в когнитивной сфере. На релятум в рамках встроенной системы и при топологическом описании могут проецироваться обозначения правой и левой конечностей, но лишь при условии, что релятум является одушевленным существом. Если же релятум является неодушевленным объектом, то в отношении него понятия «правая» и «левая» конечность, а значит и вообще разделение на правое и левое, теряют смысл. В гуугу йимитхирр также нет релятивной системы референции и обозначений для правой и левой стороны, но различение сторон любого объекта обусловлено обязательным использованием абсолютной системы (ср. восточная сторона объекта vs. западная сторона объекта). В языке цельтал одна из осей абсолютной системы дефективна, а сама абсолютная система используется не во всех случаях – при небольших расстояниях она уступает место встроенной системе. Данная специфика пространственной концептуализации ведет к тому, что индейцы цельтал демонстрируют слабую способность к различению неодушевленных энантиоморфов. Браун и Левинсон резюмируют полученные ими результаты следующим образом: «В свете большей части западных теорий существование культуры, которая не использует телесное разграничение правого / левого для пространственной концептуализации, представляется весьма шокирующим... Различение правого / левого просто не такое принципиальное или “естественное”, как наша космологическая схема хотела бы это представить. Так что мы можем надеяться найти множество других культур, где, как в тенейпа, правое и левое или правая рука и левая рука – это слова, которые обладают не большим теоретическим резонансом, чем краткое и долгое или нога и зуб» [Brown, Levinson 1994: 32–33].

В рамках лингвистической теории пространства С. Левинсона выполнены работы исследователей, объединенные в сборник под редакцией Левинсона и Уилкинса [Levinson, Wilkins 2006]. Сборник посвящен описанию моделей пространственной концептуализации на материале 12 языков. Оно часто дополняется психолингвистическими заданиями, позволяющими оценить особенности мышления носителей тех или иных языков. Большим преимуществом данного сборника является то, что лингвистический материал структурирован здесь на основе единой типологии, что позволяет оценивать и сравнивать разные языки по одному и тому же параметру или по способу концептуализации определенных пространственных значений. Психолингвистические тесты также проводятся на основе унифицированной системы, в основном включающей в себя группу изображений. Специальные тесты на невербальное поведение отсутствуют, но благодаря описанным ранее экспериментам, проведенным Левинсоном, Хэвилендом, Браун и др., можно составить себе приблизительное представление о когнитивных предпочтениях носителей языков с определенной моделью пространственного кодирования.

Для наших целей наибольший интерес представляют задания, связанные с использованием различных типов систем референции. Одно из таких заданий включает в себя описание группы иллюстраций под названием «Человек и дерево» (см. рис. 5). В эксперименте принимают участие двое испытуемых, отделенных друг от друга перегородкой или иным способом. Один из испытуемых описывает одно или несколько изображений, другой испытуемый должен выбрать из группы иллюстраций изображение, соответствующее описанию. В это время описание фиксируется организаторами эксперимента и затем анализируется для выявления доминирующей в языке системы референции. Ниже мы приводим результаты по нескольким языкам:

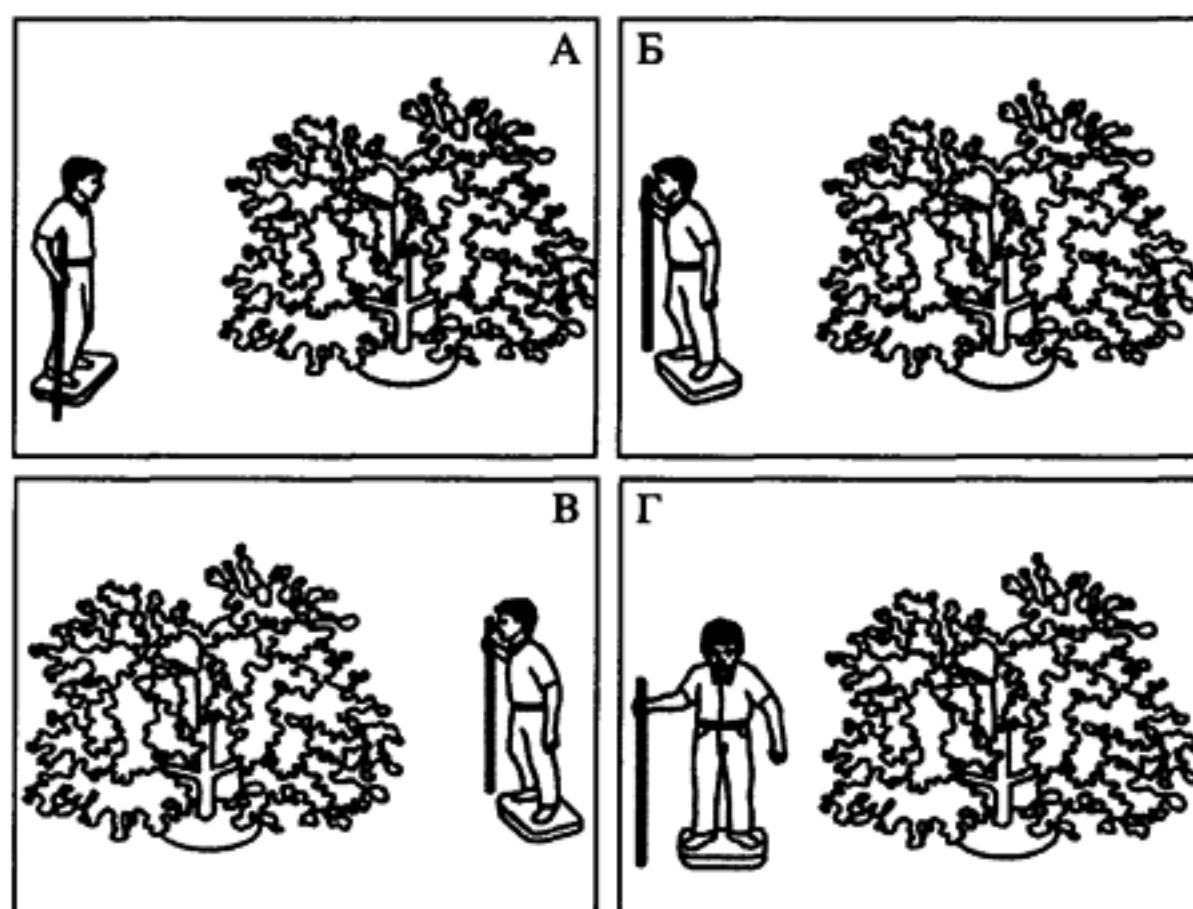

Рис. 5. Иллюстрации из лингвистического задания «Человек и дерево» [Levinson, Wilkins 2006: 12]

Язык: аррернте (Австралия, семья пама-ньюнга)

Система референции: абсолютная (без привязки к ландшафту), встроенная

Исследователь: Д. Уилкинс [Wilkins 2006: 54–55]

Описывается рисунок 3а, испытуемые ориентированы лицом на юг.

nhenhe-le alturle-theke atne-rle.ne-me-rle, arne re kenhe
 это-LOC запад стоять-PROG-NPST-REL дерево 3SG.SBJ CONN
ikwere-nge alturle-ampinye, kenhe re ikngerre-le-arle atne-rlanerlenge
 3SG.DAT-ABL запад CONN 3SG.SBJ восток-LOC-REL стоять-PROG
 «Здесь (он) стоит (лицом) к западу, дерево же в западной стороне от него, в то время как он стоит в восточной стороне».

Язык: варрва (Австралия, нюлньюльская семья)

Система референции: абсолютная (без привязки к ландшафту), встроенная

Исследователь: У. Мак-Грегор [McGregor 2006: 153]

Описываются рисунки 3г и 3б, испытуемые ориентированы лицом на север.

yalmбан-kudan yaalu i-nga-n wardiya-wurdany yaalu
 юг-COM стоять 3NOM-быть-PRS запад-COM стоять
i-nga-n, wardiya, rirrbан i-nga-n baalu, baanu-wudany
 3NOM-быть-PRS запад сбоку 3NOM-быть-PRS дерево восток-COM
 «Этот стоит к югу; этот (другой) стоит (лицом) на запад, дерево к востоку от него».

Язык: йели-дне (остров Россел, изолят)

Система референции: абсолютная (с частичной привязкой к ландшафту), встроенная, релятивная

Исследователь: С. Левинсон [Levinson 2006a: 184–185]

Описывается рисунок 3а, испытуемые ориентированы лицом на восток.

pi u niw:o kpari u keteni ngma a tob; yi-pui kpari
 человек его лицом холм его сторона INDF DEM сидеть куст холм
u keteni wunê kwo
 его направление уже стоять
 «Здесь человек, сидящий своей передней стороной в направлении холма (= на юг)... Куст стоит в стороне холма (= к югу)».

Язык: юкатекский (Мексика, семья майя)

Система референции: встроенная, абсолютная, релятивная

Исследователь: Ю. Бонмайер и К. Штольц [Bohnemeyer, Stolz 2006: 302]

Описываются рисунки 3б и 3в.

<i>kax-t</i>	<i>u</i>	<i>láak'</i>	<i>hun-p'éel-o'</i>	<i>u</i>	<i>sut-mah</i>	<i>u</i>	<i>páach</i>
искать-APPL	ART	другой	некто-CLF-DEM	ART	поворачиваться-PRF	ART	назад
<i>ti'</i>	<i>u</i>	<i>láak'</i>	<i>hun-p'éel-o'</i>	<i>fréenteh</i>	<i>táan-il</i>	<i>yáan ti'</i>	<i>aktáan-il</i>
LOC	ART	другой	некто-CLF-DEM	перед	перед-REL	быть	LOC
<i>yáan</i>	<i>ti'</i>						
быть	LOC						

«Посмотри на другого, он повернут задней частью к нему (= дереву)... Вот другой, спереди, он перед ним (= деревом), он напротив него (= дерева)».

Язык: японский (Япония, алтайская семья?)

Система референции: релятивная, встроенная, абсолютная

Исследователь: С. Кита [Kita 2006]

Описывается рисунок 3а.

<i>tsugi-wa</i>	<i>hito-ga</i>	<i>ki-no</i>	<i>hidari-gawa-ni</i>	<i>i-te</i>
следующий-TOP	человек-NOM	дерево-GEN	левая-сторона-DAT	быть-CONN
<i>ki-o</i>	<i>mi-te-i-ru</i>	<i>shashin</i>		
дерево-ACC	смотреть-CONN-IPFV-PRS	фото		

«На следующей фотографии человек с левой стороны от дерева, он стоит лицом к дереву».

Членами Исследовательской группы по когнитивной антропологии также были проведены многочисленные эксперименты, в которых проверялись когнитивные предпочтения и невербальное поведение носителей языков с разными моделями пространственной концептуализации. Были проведены эксперименты с носителями 20 языков. Задания включали в себя как опыты, изображенные на рис. 2, так и некоторые другие. Результаты суммированы в следующих работах: [Pederson et al. 1998; Majid et al. 2004; Levinson 2003: 170–215]. Эксперименты подтвердили главный тезис: невербальное поведение и когнитивные предпочтения коррелируют с преобладающими в языке системами референции. Носители языков с доминирующей абсолютной системой неизменно демонстрируют абсолютную тенденцию, в то время как носители языков с доминирующей релятивной системой склонны к повороту системы координат вместе с собственным вращением. Результаты экспериментов не могут быть объяснены лингвистическим контекстом. Испытуемые демонстрировали соответствующие склонности вне зависимости от места проведения эксперимента (помещение или открытые пространства), а также независимо от пола, возраста и степени образованности. Объяснить абсолютную тенденцию деревенским образом жизни, а релятивную – городским также в полной мере не удастся, хотя определенная корреляция между городским образом жизни и использованием релятивной системы имеет место. Урбанизация вместе с билингвизмом, безусловно, способствуют использованию релятивной системы и игнорированию абсолютной. Результаты экспериментов представлены в таблице 1⁵.

Образцовым исследованием, выполненным в рамках неорелятивистской парадигмы и, следовательно, сочетающим в себе элементы релятивизма и универсализма, является

⁵ Языковая семья: п.-н. – пама-ньонга, австронез. – австронезийская, тиб.-бирм. – тибето-бирманская, и.-е. – индоевропейская, джам. – джаминджунганская, дравид. – дравидийская. Система референции: *x* указывает на то, что система референции используется в языке; (*x*) указывает на использование системы референции лишь в ограниченных случаях; *X* указывает на базовую систему референции, используемую при описании пространственных отношений между небольшими объектами; *X* указывает на используемую в невербальном поведении систему (тестировались не все языки). Экологическая зона: П – пустыня, Тр – тропики, ВлСТр – влажные субтропики, Ум – умеренный климат, СТр – субтропики, Св – саванны, ТрДждЛ – тропический дождевой лес, Ал – альпийская тундра. Тип поселения: Д – деревенский, Г – городской. Тип хозяйства: О-С – охота и собирательство, С/х – сельское хозяйство, Инд – индустриальное общество.

монография Дж. Беннардо [Bennardo 2009]. Работа Беннардо посвящена языку, мышлению и культуре народа тонга. Вероятно, на данный момент это самая подробная и разносторонняя монография, в которой язык и культура определенного народа рассматривались бы в связи с проблематикой когнитивности и лингвистической относительности. К тому же, это единственная известная нам монография такого типа, в которой использование полевого материала сочетается с многочисленными экспериментами. Взгляды Беннардо нельзя назвать релятивистскими в строгом смысле слова. Беннардо работает в рамках неорелятивистской парадигмы, но сам он считает классическую формулировку гипотезы лингвистической относительности устаревшей. Ему также принадлежит обзор старых и новых исследований по проблеме «язык и мышление», в котором он пытается показать, что современные данные когнитивных наук требуют перехода от классической формулировки лингвистической относительности к проблеме соотношения языка, мышления и культуры в контексте модулярной теории когниции [Bennardo 2003].

В теоретической позиции Беннардо определяющую роль играют две идеи, касающиеся природы и структуры когнитивности: модель «репрезентационной модулярности» Р. Джекендоффа и «интенциональный» подход Дж. Келлер, Ч. Келлера и Ф. Лемана. Гипотеза Джекендоффа представляет собой попытку расширить генеративный метод Хомского путем включения семантического анализа. Джекендофф предлагает специфическую модель когнитивности, согласно которой разум конституируется с помощью совокупности взаимосвязанных модулей. Центральную роль играют «концептуальные структуры», представляющие собой уровень ментального представления, в котором отображается вся информация и благодаря которому она связана с другими модулями; этот уровень имеет пропозициональную архитектуру и имеет сходство с синтаксическими структурами. С модулем концептуальных структур связаны другие модули, среди которых, согласно последней версии теории, можно выделить языковой модуль, модуль социальной когниции, модуль действия и модуль пространственных представлений [Jackendoff 2007]; модулярная организация позволяет перейти от классической формулировки лингвистической относительности к проблеме доминирования определенных структур в рамках целостной когниции. Что касается «интенционального» подхода Дж. Келлер, Ч. Келлера и Ф. Лемана, то его главная идея заключается в том, что когнитивность всегда выражена в действии, а познавательные структуры представляют собой лишь эфемерные совокупности концептуальных единиц, временно конструирующиеся для ответа на какой-либо внешний вызов или для решения конкретной задачи; иначе говоря, познавательные структуры не существуют в законченной форме, но каждый раз порождаются на основе определенных правил. Используя эти две гипотезы, Беннардо частично модифицирует модель пространственной концептуализации С. Левинсона и показывает, каким образом определенные пространственные представления, отраженные в тонганском языке, связаны с другими когнитивными модулями и воспроизведены в них. Базовую схему тонганского мышления, на основе которой порождаются все другие, Беннардо называет «радиальностью» (radiality), тонганцы же, по его мнению, обладают «радиальным умом» (radial mind).

Радиальность заключается в том, что лежащая в поле досягаемости точка, отличная от эго, рассматривается в качестве источника / цели при выстраивании отношений между другими точками этого поля, включая эго; данную идею можно также определить как специфический тип деперсонализации, что соответствует социоцентрическому характеру тонганского эго [Bennardo 2009: 13–15]. Радиальность доминирует в тонганском мышлении, но с когнитивной точки зрения она не является достоянием только тонганского мышления. По мнению Беннардо, она составляет одну из возможных когнитивных структур, или «когнитивных молекул». Беннардо сравнивает содержание данного понятия с такими концепциями когнитивной науки, как «фрейм», «скрипт», «ментальная модель», «культурная модель». Он пишет: «Эти структуры функционируют на различных уровнях, от простых, таких как созерцание формы объекта, понимание значения слова или восприятие очертания лица в качестве улыбки, до наиболее слож-

Таблица 1

**Результаты экспериментов Исследовательской группы по когнитивной антропологии
(приводятся из [Majid et al. 2004: 112] с дополнениями из [Levinson 2003: 182])**

Язык	Языковая семья	Система референции			Экологическая зона	Тип поселения	Тип хозяйства
		встроенная	релятивная	абсолютная			
аррернте	п.-н.	х		<u>Х</u>	П	Д	О-С
балийский	австронез.	х	х	Х	Тр	Д	С/х
белхаре	тиб.-бирм.	х	х	<u>Х</u>	ВлСТр, Ал	Д	С/х
голландский	и.-е	х	<u>Х</u>	(х)	Ум	Г	Инд
английский	и.-е.	х	<u>Х</u>	(х)	Ум	Г	Инд
эве	нигер-конго	Х	Х	Х	СТр	Д	С/х
гуугу йимит-хирр	п.-н.			Х	ТрДждЛ	Д	О-С
хайльом	койсанская	х	(х)	<u>Х</u>	П	Д	О-С
джаминджунг	джам.	Х	(х)	(х)	Св, Тр	Д	О-С
японский	(?)	х	<u>Х</u>	(х)	Ум	Г	Инд
кгалагади	банту	<u>Х</u>	<u>Х</u>	<u>Х</u>	Тр, Ст	Д	С/х
киливила	австронез.	<u>Х</u>	<u>Х</u>	<u>Х</u>	ТрДждЛ	Д	С/х
лонггу	австронез.	х	(х)	<u>Х</u>	ТрДждЛ	Д	С/х
мопан	мая	<u>Х</u>		(х)	ТрДждЛ	Д	С/х
тамильский	дравид.	х	<u>Х</u>	<u>Х</u>	Св	Г + Д	С/х
тирийо	карибская	Х	Х	Х	ТрДждЛ	Д	О, С/х
тотонак	тотонакская	<u>Х</u>		(х)	Ум	Д	С/х
цельталь	мая	х		<u>Х</u>	СТр, Ал	Д	С/х
варрва	нюлнюлская	х		Х	П	Д	О-С
юкатекский	мая	<u>Х</u>	<u>Х</u>	х	ТрДждЛ	Д	О-С

ных, таких как созерцание движения на переполненной улице, понимание длительной речи или оценка собственного поведения и поведения других» [Bennardo 2009: 174]. Радиальность по своему происхождению является пространственным феноменом, что связано с особой ролью восприятия пространства в познании человека, и как таковая она принадлежит к модулю пространственных представлений.

Подробное описание особенностей концептуализации пространства в языке тонга (океанийская семья) можно найти в целом ряде работ Беннардо [Bennardo 1996; 2003; 2009]. Для выражения пространственных значений в тонганском языке используются предлоги, наречия и пространственные имена. Особенностью языка тонга является то, что в нем для этой цели используются только три предлога: *'i* «возле», *ki* «к», *mei* «от» (для сравнения – в английском используется от 80 до 100 предлогов [Jackendoff 1992: 107–108]). Основную семантическую нагрузку в кодировании пространственных значений несут пространственные имена. В тонганском языке используются все три системы референции: релятивная, встроенная и абсолютная. Релятивная система представлена несколькими подтипами, в том числе достаточно редким трансляционным подтипом, при котором вторичная подсистема переносится на релятум без поворота и отражения (то есть «перед» оказывается не между объектом и говорящим, а за объектом). Для выражения релятивной системы используются все три пространственных предлога, а также пространственные имена: *mi'a* «перед», *mi'i* «сзади», *to'ohema* «лево», *to'omata'u* «право». Встроенная система не обладает какими-либо особенностями и выражается с помощью тех же средств, что и релятивная система. Наконец, абсолютная система представлена несколькими подтипами, среди которых встречаются подтипы с фиксированной осью и подтипы с привязкой к ландшафту. Большое значение для мышления тонганцев имеет специальный подтип абсолютной системы, который Беннардо называет «радиальным». Этот подтип состоит из одной оси, направленной к объекту в поле эго; положение референта может быть либо «к» объекту, либо «от» объекта (ср. «он стоит лицом к Джону»). Абсолютная система кодируется с помощью пространственных имен: *hahake* «восток», *hihifo* «запад», *tokelau* «север», *tonga* «юг», *tahi* «море, океан», *kolo* «город», *lalo* «низ», *'uta* «вглубь острова».

Пространственные значения в тонганском языке обладают сложной организацией, и нелегко понять, какая система ориентации является доминирующей. Для выяснения условий использования соответствующих референциальных систем Беннардо провел целую серию экспериментов, включавшую в себя лингвистические тесты, тесты на невербальное поведение, интервью и др. Лингвистические задания проводились в отношении небольших и крупных пространственных масштабов. На небольших пространственных масштабах испытуемые использовали релятивную систему в 74 % случаев, встроенную систему – в 21 %, абсолютную систему – в 5 %. При этом в условиях ограниченного видения преобладал рефлексивный подтип релятивной системы (с отражением вторичной подсистемы), а в условиях хорошей видимости преобладал трансляционный подтип (с переносом вторичной подсистемы). На крупных пространствах чаще использовались релятивная и абсолютная системы, при этом использование их подтипов было весьма специфичным. В условиях хорошей видимости всегда использовался трансляционный подтип релятивной системы, что, по признанию Беннардо, приводило его в замешательство, поскольку высказывание «Дерево стоит перед домом» он привык понимать так, что дерево находится между говорящим и домом, а не позади дома. В условиях ограниченной видимости на смену релятивной системе приходила абсолютная система, которая использовалась в своих нескольких подтипах, но чаще всего в виде подтипа с одной фиксированной осью. Эта ось в зависимости от ситуации может быть трех видов: «в город – вглубь острова», «море / город – вглубь острова», «вниз – вглубь острова страны». Выявленные в лингвистических тестах результаты являются предварительными. Более важными, с точки зрения Беннардо, являются тесты на невербальное поведение, поскольку они позволяют оценить не только лингвистические, но и когнитивные предпочтения. При проверке невербального поведения Беннардо использовал эксперименты, уже известные нам из работ Исследовательской группы по когни-

тивной антропологии (см. рис. 2). Полученные результаты выглядят неоднозначными, но Беннардо считает правомерным на их основе утверждать доминирование на когнитивном уровне абсолютной системы референции у тонганцев; выделить с помощью тестов преобладающий подтип абсолютной системы не удалось, но с учетом культурных особенностей можно утверждать, что доминирует радиальный подтип абсолютной системы, который характеризуется привязкой единственной оси к конкретному объекту в поле эго [Bennardo 2009: 88–104].

По мысли Беннардо, радиальный характер пространственных представлений тонга проявляется в использовании систем референции, которые берут начало в точке, находящейся в поле эго, но не тождественной эго. В случае встроенной системы и всех подтипов абсолютной системы такой точкой является релятум, поскольку именно релятум должен рассматриваться как начало системы. В случае же трансляционного подтипа относительной системы определяющую роль играет вторичная подсистема, которая проецируется на релятум. Радиальный характер пространственных представлений также выражается в дискурсивном доминировании трансляционного подтипа релятивной системы референции и в когнитивном доминировании абсолютной системы референции. Беннардо утверждает, что хотя на лингвистическом уровне эти системы взаимно не конвертируемы, все же на концептуальном уровне они переводимы и, по сути, отражают одну и ту же идею. Таким образом, и на лингвистическом, и на когнитивном уровне мы имеем доминацию определенной структуры: пространственные отношения конституируются вокруг точки, находящейся в поле эго, но не являющейся эго.

Радиальность получила отражение в ментальной репрезентации времени, поскольку концептуализация времени во многом зависит от пространственной концептуализации. Рассматривая этот вопрос, Беннардо обращается к статье, написанной им в соавторстве с Бендером и Беллером и посвященной разработке понятийного аппарата концептуализации времени [Bender et al. 2010]. Беннардо и его коллеги попытались пересмотреть традиционную интерпретацию темпоральных выражений, связанную с движением, в пользу типологии, которая основана на референции. Для этого они выделили несколько видов темпоральных систем референции, соответствующих пространственным системам. Абсолютная система метафорически трактуется как «стрела времени», система со встроенными характеристиками основана на внутреннем времени объекта, а релятивная система сфокусирована на эго и «субъективном настоящем». В рамках релятивной системы выделяются подтипы, из которых для нас важен трансляционный подтип, характеризующийся переносом начала системы с эго на объект и, следовательно, воспроизводящий радиальную структуру. В результате экспериментов с носителями английского, немецкого и тонганского языка было показано, что носители немецкого языка предпочитают встроенную систему, носители английского языка – абсолютную и встроенную систему, а носители тонганского языка используют все три системы. При этом тонганцы используют примерно в 30 % случаев трансляционный подтип релятивной системы, а у пожилых и менее образованных испытуемых такое использование возрастает до 49 %. Беннардо приводит материалы, свидетельствующие о том, что сами тонганцы отмечают меньшее употребление трансляционного подтипа в связи с появлением школьного образования [Bender et al. 2010: 20].

Беннардо обнаруживает радиальность также в представлениях о посессивности. В языках Океании существует два типа посессивности: А-обладание и О-обладание. Они выражаются маркерами 'a, 'o и соответствующими классами притяжательных местоимений. Например, в тонганском языке к А-классу относятся местоимения 'e-ki «мой», ho'o «твой», 'e-ne «его / ее», а к О-классу – местоимения ho-ki «мой», ho «твой», ho-no «его / ее»: ср. ko 'ene helé «его нож» (А-обладание), ko hono hio «его мотыга» (О-обладание). Предполагается, что исконно притяжательные местоимения состояли из артикля *he*, посессивного маркера ('a или 'o) и личного местоимения, но в результате элизии, ассимиляции и других фонетических процессов образовались известные нам формы. Условия, при которых употребляется тот или иной тип посессивности, до конца не выяснены. Высказывались точки зрения, что это доминантное и субординантное

обладание, контролируемое и неконтролируемое обладание, отчуждаемое и неотчуждаемое обладание и др. Согласно гипотезе Беннардо, А- и О-обладание мотивированы как обладание с вектором от посессора и обладание с вектором к посессору. В приведенном выше примере в отношении ножа используется местоимение Акласса по той причине, что в традиционной культуре тонга нож рассматривался как личное оружие, которое может быть сделано из бамбука самостоятельно. Следовательно, фраза «его нож» с притяжательным местоимением А-класса мотивирована как «от него нож», «им сделанный нож». Напротив, мотыга, сделанная из камня, рассматривалась в качестве социального продукта и объекта социального пользования, поэтому фраза «его мотыга» с притяжательным местоимением О-класса мотивирована как «для него мотыга», «для него сделанная мотыга». Похожая ситуация с фразами *hono foha* «его сын» и *'e-ne tama* «ее сын», где в первом случае используется О-обладание («сын для отца»), а во втором случае – А-обладание («сын от матери»). Таким образом, в посессивности воспроизводится радиальная структура, внутри которой специально маркируется направление вектора отношений: от посессора или к посессору.

Радиальность, согласно Беннардо, также получила развитие в разнообразных областях культуры тонганцев. В традиционных верованиях она отражена в понятии *mana* «мана». Общепринятой трактовки этого понятия не существует, и вряд ли оно вообще переводимо на западные языки. В каких-то контекстах мана может пониматься как сила, субстанция, процесс, состояние, качество, причина, следствие, эффективность, энергия, в то же время она часто персонифицирована или, по крайней мере, связана с конкретным лицом. Посредником между людьми и сверхъестественными существами является вождь, вокруг которого как бы концентрируется мана и от которого она исходит. Носителями маны могут быть и другие объекты: камни, деревья, реки, океан и т. д. Налицо радиальная концептуальная структура: мана концентрируется вокруг объекта, находящегося в поле эго, но, как правило, не являющегося эго. Как свидетельствуют материалы, собранные Беннардо, даже после обращения в христианство тонганцы сохранили представления о мане: в частности, считается, что не обладающий маной священник приносит несчастье деревне [Bennardo 2009: 188–189]. Другая традиционная практика тонга, имеющая радиальную структуру, – это мореплавание. Последний тонганский мореплаватель, владевший традиционным искусством навигации, умер около 40 лет назад, но благодаря ранним источникам и сравнению с микронезийским искусством мореплавания, известно, что для навигации тонганцы использовали так называемый «фантомный остров» – воображаемый остров, положение которого, будучи соотнесено с сидерическими явлениями, служило началом системы отсчета. Фантомный остров, по мысли Беннардо, соответствует центру радиальной структуры.

Беннардо провел целую серию экспериментов для того, чтобы проверить связь пространственных «радиальных» представлений с разнообразными практиками внутри социальной сферы. В целом можно сказать, что ему удалось установить надежную корреляцию между этими областями. Например, как свидетельствуют эксперименты, тонганцы во время ритуалов лучше запоминают людей, сидящих ближе к центральной фигуре ритуала, чем людей, располагающихся вблизи от испытуемого; Беннардо считает, что ментальные представления тонганцев как бы конституируются вокруг персоны, являющейся носителем маны и играющей ключевую роль в ритуале. При этом сами ритуалы и в семантическом, и в физическом плане также организованы в соответствии с радиальной структурой. Радиальность обнаруживается также в системе родства: вся система выстроена вокруг обозначения для брата/сестры, а не вокруг эго. Беннардо приводит другие многочисленные примеры, свидетельствующие о радиальной архитектуре социальной сферы [Bennardo 2009: 243–338].

Таким образом, Беннардо показывает, что радиальность в качестве когнитивной доминанты проявляется во многих областях языка, мышления и культуры тонга. Она может быть найдена в языковой концептуализации пространства, в концептуализации времени, в грамматикализации посессивности, в особенностях памяти, в религиозных представлениях, в структуре родства и навыках мореплавания. Подробный анализ

социокультурной сферы и многочисленные эксперименты показывают, что многие аспекты общественной жизни и культурного кода устроены в соответствии с радиальной структурой; более важно то, что сами тонганцы мыслят и представляют себе социокультурную область именно в такой организации. Исследование Беннардо проделано с большой тщательностью; привлекается материал из самых разных областей жизни тонга, который анализируется на высоком профессиональном уровне. Не все выводы автора представляются хорошо обоснованными. Прежде всего, нуждаются в дополнительном обсуждении исходные теоретические положения, касающиеся когниции. Когнитивное и языковое доминирование «радиальных» систем референции выражено у тонганцев не так эксплицитно, как хотелось бы, и возможность построения всей концепции «радиальности» на основе этого доминирования может быть поставлена под вопрос. К тому же, понимание референциальных систем отличается у Беннардо от более распространенной модели С. Левинсона и также требует обсуждения (важно, что «радиальная» абсолютная система может пониматься и не как система референции). Специфическая структура родства, рассмотренные религиозные представления и навыки навигации не являются только достоянием тонганцев, хотя Беннардо и не утверждает обратное. Но даже с учетом некоторых недостатков монография Беннардо в методологическом и чисто эмпирическом отношении является образцовым исследованием по когнитивной антропологии. Концепция Беннардо выступает логическим развитием неорелятивизма, и она во многом выводит проблематику лингвистической относительности на новый теоретический и экспериментальный уровень.

В связи с проблемой отражения абсолютной системы референции в культуре стоит также упомянуть крайне интересные работы Ю. Вассманна и П. Дасена о балийском языке [Wassmann, Dasen 1998; 2006]. Авторы показывают встречающееся многообразие подтипов единой абсолютной системы и вскрывают его связь с культурой и когницией. В балийском языке (австронезийская семья) имеется абсолютная и встроенная система референции, а также заимствованные элементы релятивной системы. Абсолютная система, которая может быть охарактеризована как ландшафтная, используется значительно чаще других. Одна из осей прототипически ориентирована по расположению вулкана Агунг и состоит из двух обозначений: *kaja* «к горе», *kelod* «к морю». Другая ось прототипически связана с восходом солнца: *kangin* «восток», *kauh* «запад». Помимо четырех главных обозначений, существуют также четыре второстепенных обозначения: *kaja kangin* «к горе и на восток», *kelod kangin* «к морю и на восток», *kelod kauh* «к морю и на запад», *kaja kauh* «к горе и на запад».

Как и другие народы, являющиеся носителями языков с доминирующей абсолютной системой, балийцы демонстрируют признаки того, что Левинсон называет «абсолютным мышлением». Для того чтобы говорить на балийском языке, нужно знать направление абсолютных осей, в чем сами балийцы хорошо отдают себе отчет. Фразеологизм «не знать, где находится *kaja*» обозначает «быть сумасшедшим». Потеря ориентации в пространстве рассматривается балийцами как большое несчастье, иногда это может приводить к страху, апатии, депрессии и другим негативным психологическим состояниям. Повседневное использование абсолютной системы описывается Вассманном и Дасеном следующим образом: «Абсолютные обозначения используются для описания мест, куда собираются пойти (“в полдень я пойду *kauh*”), или для указания направлений (“поверни налево, затем иди *kangin*”); мать может крикнуть своему ребенку: “Не снимай свою обувь *kauh*!”. Во время еды кто-то может сказать: “Пожалуйста, передайте блюдо, которое *kaja*”. При описании встречи человек может быть описан как “тот, кто сидел *kelod*”. По-видимому, места запоминаются в абсолютных характеристиках... Как дома, так и в школе, дети должны учиться следовать инструкциям в соответствии с этой системой ориентации. Учителя начальных классов даже используют это знание в качестве теста готовности к школе. Но обучение, которое проводится исключительно на индонезийском, зависит от релятивных терминов. Например, для того чтобы указать на различие между *b* и *d*, учителя прибегают к словам «спереди» / «сзади» или «сле-

ва» / «справа», и только если дети имеют проблемы с пониманием, они обращаются к словам *kaja / kelod* [Wassmann, Dasen 1998: 697].

Абсолютная система имеет большое значение для религии балийцев. Она используется в играх, ритуалах, церемониях. Каждое обозначение несет символический смысл и соотносится с именем бога и цветом. Например, *kaja* соответствует Вишну и черному цвету, *kelod* – Брахме и красному цвету и т. д. Направления *kaja* и *kauh* считаются наиболее священными и чистыми. Балийский вариант индуистской мифологии структурирован в соответствии с направлениями абсолютной системы. Данная модель проецируется на все области жизни и опыта: человеческое тело, храм, деревня, социальная организация, стадии жизни, устройство вселенной и др. Деревни построены вдоль оси *kaja–kelod* с главным храмом на стороне *kaja* и кладбищем на стороне *kelod*. Дома ориентированы по этой же оси с сакральным углом *kaja–kangin*, где располагается семейный алтарь, и профаническим углом *kelod / kauh*, где обитают животные и где складывается мусор. Глава семьи живет на стороне *kangin*, и каждый член семьи спит головой в сторону *kaja* или *kangin* [Wassmann, Dasen 1998: 693].

Главная особенность балийской абсолютной системы заключается в том, что на сравнительно небольшой территории она имеет многочисленные вариации. В разных деревнях ее оси ориентированы совершенно по-разному, что связано с особенностями ландшафта и историческими обстоятельствами. Вассманн и Дасен исследовали вариации абсолютной системы в восточной части острова Бали и составили карту, на которой показано, как жители разных деревень реально представляют себе направления осей абсолютной системы (см. рис. 6). На карте видно, что прототипическая система с осью *kangin–kauh* «восток–запад» используется далеко не во всех районах: например, для жителей деревни Лин солнце встает со стороны *kelod / kauh*, а для жителей деревни Батукесени – со стороны *kelod*. Сама система редко где представлена в «идеальном варианте» с квадрантами в 90°. Вариант, подвергшийся наибольшей модификации, мы находим в деревне Сега, где *kaja* указывает на вершину склона и покрывает угол в 60°, *kelod* указывает на гору Бисбис и покрывает угол в 150°, *kangin* указывает на восток и покрывает 60°, а *kauh* покрывает оставшиеся 90°. За имеющимся многообразием вариантов скрывается внутренняя логика: во-первых, *kaja* чаще всего указывает на ближайшую гору, служащую символическим заместителем вулкана Агунг (или мифологической «центральной» горы); во-вторых, *kelod* чаще всего действительно указывает в сторону моря и в разных частях острова это разное направление. Кроме того, после миграции жители одной территории могут проецировать старую систему на новую территорию: например, в деревне Бунутан имеет место инверсия оси *kangin–kauh*, что объясняется происхождением жителей этой деревни, которые пришли на данную территорию из деревни Бангле. Подробное объяснение многих нюансов, связанных с вариациями системы, можно найти в работе Вассманна и Дасена [Wassmann, Dasen 1998: 698–700].

Такое многообразие типов абсолютной системы ведет к специфическому культурному и когнитивному многообразию, поскольку, как уже было сказано, абсолютная референциальная система играет принципиальную роль в культуре и образе жизни балийцев. По сути, в разных деревнях мы встречаем различную реализацию единого социокультурного и когнитивного прототипа. При этом жители деревень понимают, что в соседних деревнях система используется иначе, и каждый раз договариваются между собой при встрече, какой тип системы они будут использовать в разговоре. Стоит также отметить, что во время путешествия по острову использование абсолютной системы требует отличной ориентации в пространстве и детального знания местности. Вассманн и Дасен приводят примечательный пример: при описании пути из деревни Сега в соседнюю деревню Бунутан информант несколько раз меняет обозначения направлений абсолютной системы в зависимости от того, на территории какой деревни он мысленно находится в данный момент [Wassmann, Dasen 1998: 700–701].

В балийском языке могут быть найдены также элементы релятивной референциальной системы. Уже с ранних лет детей учат различать правую и левую руку, поскольку это имеет символическое значение: левой рукой, которая считается нечистой, нельзя

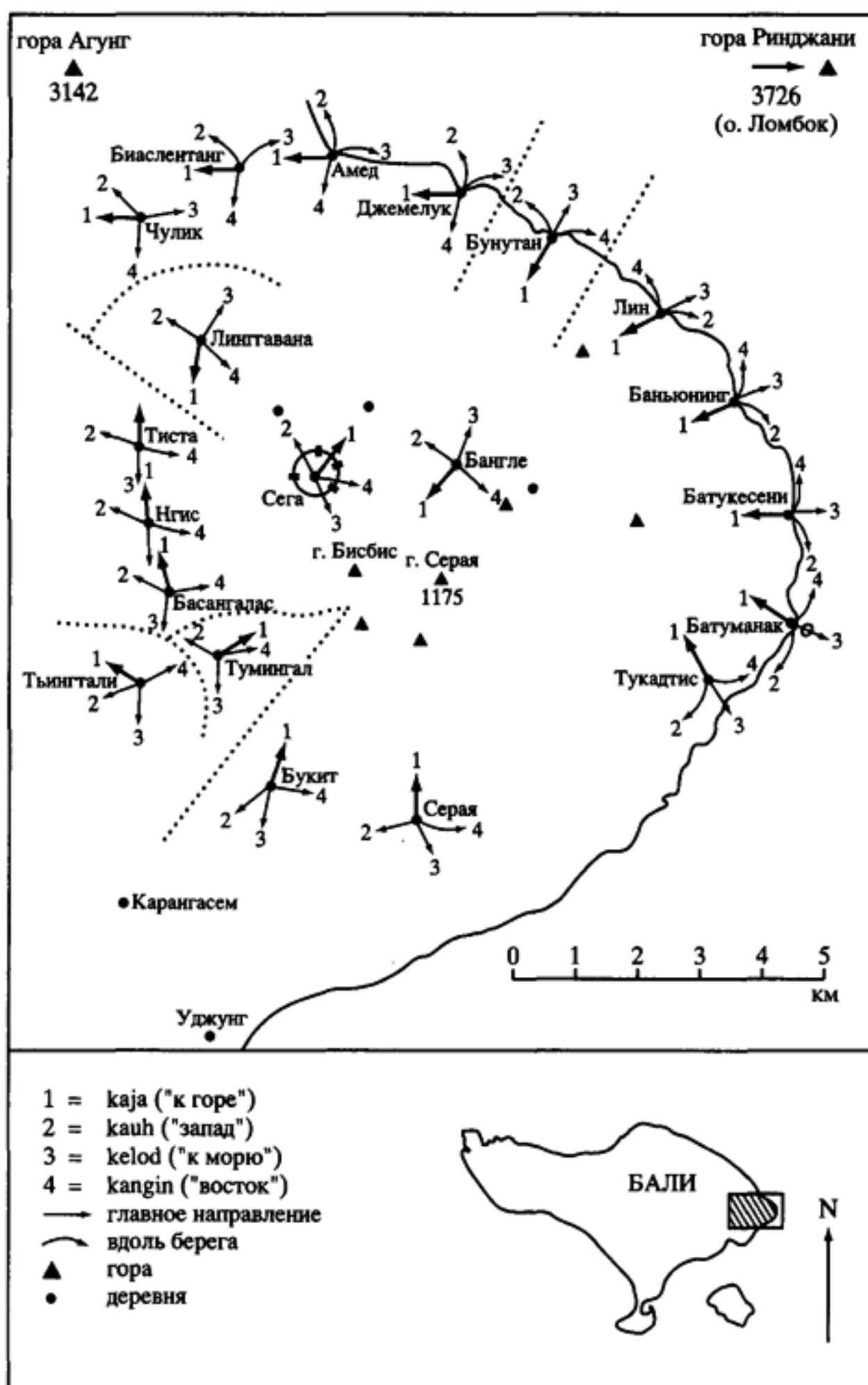

Рис. 6. Вариации абсолютной системы на востоке о. Бали [Wassmann, Dasen 1998: 698]

брать пищу, принимать дар или указывать на что-либо. Но обозначения левой и правой частей тела, как и обозначения передней и задней частей, практически не используются для маркирования пространственных отношений. Только среди взрослых билингвов встречаются случаи такого использования, что связано с влиянием индонезийских релятивных обозначений (при этом указание на левую или правую сторону неизменно сопровождается ссылкой на абсолютное обозначение, ср. «пойди налево, в сторону *kaja*», «пойди направо к *kangin*» и т.д.). Интересно, что использование релятивной системы считается проявлением невежливости по отношению к собеседнику, поскольку релятивная система предполагает центральную роль говорящего и не учитывает ори-

ентацию слушающего; в этом она контрастирует с «политкорректной» абсолютной системой. Эксперименты, проведенные Вассманном и Дасеном, показали, что при выполнении лингвистических заданий балийцы используют абсолютную систему, но при прохождении тестов на невербальное поведение абсолютная тенденция уменьшается; такой результат может объясняться билингвизмом и социокультурными факторами [Wassmann, Dasen 1998: 702–707].

Таким образом, Вассманн и Дасен демонстрируют хороший пример того, как реально функционирует абсолютная референциальная система ландшафтного типа. Балиец должен знать особенности ландшафта, чтобы хорошо ориентироваться и говорить на родном языке; к тому же, он должен знать системы, принятые в разных деревнях, для поддержания контакта с их жителями. Связь абсолютных систем с конкретным ландшафтом обеспечивает социокультурное многообразие: можно сказать, что разные деревни представляют собой различные социокультурные миры, хоть и выстроенные по одному прототипу. На данном примере мы видим, сколь фундаментальную роль система референции играет в конституировании культуры и когнитивности.

В последнее время проблема отражения особенностей пространственной концептуализации в культуре исследуется наиболее интенсивно. Стало понятно, что язык не только дает доступ к культурному коду, но и во многом формирует этот код. Без знания разнообразных лингвистических нюансов невозможно адекватное понимание культуры, и очень часто выражение культурных концептов в аутентичном виде немыслимо вне данного конкретного языка. Но у этой тенденции есть и другая сторона: теперь уже сам язык, и в особенности, грамматические категории языка исследуются с учетом их контекстуального и культурного использования, и некоторые авторы отмечают, что те или иные грамматические категории могут быть поняты только с учетом языковой прагматики. На примере пространственных категорий эти тезисы были развиты еще в классическом исследовании У. Хэнкса о референциальных практиках в юкатекском языке [Hanks 1990], имевшем большое влияние на неорелятивистов; статья Хэнкса, в которой резюмируются его взгляды по этому вопросу, была также включена в программный сборник Левинсона и Гамперца [Levinson, Gumperz 1996]. В связи с данной проблематикой стоит также упомянуть сборник статей под редакцией Дж. Беннардо о пространстве и культуре народов Океании [Bennardo 2002], сборник статей под редакцией Г. Зенфта о пространстве в папуасских и австронезийских языках [Senft 1997] и некоторые статьи из сборника Ю. Вассманна и К. Штокхауса [Wassmann, Stockhaus 2007]. Все эти работы отличает пристальное внимание к тому, как особенности языковой концептуализации пространства отражаются в культуре. В работах задействуется тот потенциал релятивистской парадигмы, на который указывали еще отцы-основатели лингвистической относительности и гумбольдтианцы: значима не только проблема «язык и мышление», но и проблема взаимозависимости языка, мышления и культуры, проблема автономности и автореферентности их единого семиотического поля (ср. также [Gipper 1971]). В рамках данного очерка мы позволим себе не останавливаться на обсуждении этих работ (на русском языке см. рецензию на сборник Беннардо [Мазурова 2005]).

Одной из важных проблем, связанных с языковой концептуализацией пространства, является вопрос о когнитивном статусе референциальных систем и о причинах предпочтения какой-либо системы в языке. Практически общепринятым является мнение, что все виды систем потенциально доступны для всех людей. Как показывают опыты, определенные тенденции в невербальном поведении могут быть проявлены носителями языков, в которых отсутствует или редко используется соответствующая референциальная система. Троядек выяснил, что для французских детей в некоторых условиях доступно абсолютное кодирование пространственных отношений [Troadek 2009]. Ли и ее коллеги показали, что в определенных экспериментах носители языка цельталя, в котором отсутствует относительная система референции, могут использовать релятивное кодирование; иногда они справляются с заданиями, требующими релятивного кодирования, даже лучше, чем носители европейских языков [Li et al. 2011]. Хаун и его коллеги попытались научить носителей голландского языка абсолютному кодированию, а носи-

телей койсанского языка хайльом – релятивному кодированию; около 20 % испытуемых смогли успешно применить новый подход [Haun et al. 2011]. Эти и другие исследования позволяют согласиться с мнением Т. Видлока, что «все люди потенциально способны к развитию релятивной и абсолютной стратегий до какого-то уровня, но реальные способности и манера использования этих систем усваиваются только под влиянием специфических условий, в которых происходит развитие» [Widlak 2007: 274–275]. Иначе говоря, выбор определенной системы связан с усвоением языка и использованием тех или иных социокультурных практик. Хорошей иллюстрацией к данному тезису может служить пример, описанный Де Сильвой в 1931 году: некий американский мальчик отличался невероятными способностями к ориентации по сторонам света; как выяснилось, причина этого заключалась в том, что его мать плохо различала левую и правую стороны и потому часто заменяла их указанием на стороны света. Например, вполне нормальной была фраза «Поддай мне щетку, лежащую на северной стороне комода» [de Silva 1931]. Носителю английского языка доступна абсолютная система референции, но она почти не используется в повседневном общении. Из этого примера видно, что в контексте той или иной социокультурной практики частота использования определенной системы может возрастать, что, в свою очередь, будет влиять на когнитивные способности. Другой похожий пример дают нам носители языков с преобладающей абсолютной системой, которые в меняющихся под влиянием глобализации условиях начинают реже использовать абсолютную систему и отдают предпочтение другим системам. В случаях же, когда в языке нет других систем (или они используются крайне редко), носители языка могут конструировать новую систему на основе имеющихся языковых средств (ср. «правая рука» и «левая рука» как обозначения для правой и левой стороны) или путем заимствования из другого языка. Стоит отметить, что все эти процессы происходят, как правило, среди билингвов и не без влияния английского или других языков.

Большое значение для проблемы лингвистической относительности имеет вопрос об усвоении разных систем референции детьми. Классическое исследование в данной области принадлежит Ж. Пиаже и Б. Инхелдер [Piaget, Inhelder 1956]. В процессе наблюдения над развитием европейских детей они пришли к выводу о том, что пространственные представления формируются в такой последовательности: топологическое пространство, проективное пространство и евклидово пространство. Используемая ими пространственная модель, разумеется, несколько отличается от модели С. Левинсона, но общее соответствие может быть найдено. Топологическое пространство характеризуется чисто качественными отношениями («внутри», «вблизи», «в», «на», «спереди», «сзади» и т.д.), и оно соответствует области топологии и встроенной системы референции в терминологии Левинсона. Проективное пространство уже оперирует с точкой зрения наблюдателя, и оно соответствует релятивной системе референции. Евклидово пространство полностью соответствует абсолютной системе референции. Таким образом, согласно этому подходу, сначала формируется встроенная система референции, затем (начиная с 4 лет) релятивная и лишь потом абсолютная. Концепция Пиаже и Инхелдера на данный момент является доминирующей теорией в психологии развития, но существуют и попытки ее пересмотра. В частности, распространена идея о том, что проективное и евклидово пространство развиваются параллельно из топологического пространства.

Из недавних исследований стоит отметить работу Хауна и его коллег [Haun et al. 2006]. В результате экспериментов с немецкими детьми дошкольного возраста и человекообразными обезьянами ими было показано, что в невербальном поведении аллоцентрическая пространственная тенденция более приемлема для гоминид, чем эгоцентрическая. В категорию «аллоцентрического» входят как встроенная, так и абсолютная системы референции; их разграничение было сложно произвести в рамках эксперимента, поэтому неясно, о какой системе нужно вести речь. Хаун и его коллеги делают вывод, что пространственное мышление гоминид в основе своей аллоцентрично, но «эта унаследованная склонность к аллоцентрическому кодированию пространственных отношений может быть перевешена культурными предпочтениями, как в случае нашего

собственного предпочтения кодировать пространство эгоцентрически или релятивно» [Haun et al. 2006: 17572].

В последние годы появляется все больше работ, посвященных проблеме усвоения абсолютной системы референции. Наиболее подробным и разносторонним исследованием по данной теме является монография П. Дасена и Р. Мишры [Dasen, Mishra 2010]. Как справедливо замечают авторы, когнитивные дисциплины «так сильно отмечены их включенностью в западный культурный контекст, что геоцентрическая система референции просто не рассматривается в них в качестве варианта!» [Ibid.: 298] Авторы пытаются исправить это положение: «Работы по психологии развития тяготеют к утверждению о том, что аллоцентрическая система используется детьми на более ранних жизненных этапах, чем эгоцентрическая система. Способ, каким определяется аллоцентрическая система в этих исследованиях, позволяет понять, что речь идет о встроенной системе референции. Но этот тезис не является чем-то новым. Пиаже утверждал это много лет назад в отношении топологического пространства, которое является первым типом пространства, развиваемого детьми, но также часто используется взрослыми вместо эгоцентрической системы. Исследование настоящей геоцентрической системы игнорируется в экспериментах с детьми и взрослыми. Это положение дел сподвигает нас исследовать развитие геоцентрической системы референции в не-западных условиях – в местах, где эта система представляется нормативной и где многообразие социальных и культурных практик организовано таким образом, что оно обеспечивает усвоение геоцентрической системы уже в ранние годы жизни» [Dasen, Mishra 2010: 41]. Дасен и Мишра провели целую серию экспериментов с индийскими, непальскими, балийскими и швейцарскими детьми, в экспериментах участвовали в основном школьники – жители городов и деревень. Эксперименты включали в себя лингвистические тесты и тесты на невербальное поведение, разработанные Исследовательской группой по когнитивной антропологии, а также некоторые психологические задания, взятые из арсенала школы Пиаже. Акцент был сделан на проблеме усвоения абсолютной системы референции, но также затрагивались более общие вопросы, связанные с проблематикой лингвистической относительности. Дасен и Мишра приходят к выводу о том, что встроенная система референции усваивается раньше других, а дальнейшее развитие зависит от семантической структуры усваиваемого языка. Балийские, индийские и непальские дети усваивают абсолютную систему уже в раннем возрасте (4–6 лет), и далее она не сменяется релятивной системой, но, наоборот, только упрочивает свои позиции. «То, что мы видим – это другой путь развития, от геоцентрической системы к еще более геоцентрической, с эгоцентрической системой в качестве перманентной вторичной возможности» [Dasen, Mishra 2010: 313]. При этом усвоение абсолютной системы происходит синхронно с усвоением жестового языка, также характеризующегося абсолютными пространственными обозначениями.

Выводы Дасена и Мишры согласуются с результатами других исследований, в которых рассматривается проблема усвоения абсолютной системы детьми. В подробном исследовании Браун и Левинсона показано, что носители языка цельталь усваивают элементы абсолютной системы в возрасте двух лет, а к 3,5 годам начинают использовать эту систему для описания пространственных отношений; при этом встроенная система усваивается одновременно с абсолютной (в основе обеих лежат топологические обозначения), а релятивная, как уже отмечалось, вообще отсутствует [Brown, Levinson 2000]. Де Леон выяснила, что носители языка цоциль уже в возрасте 4–5 лет владеют абсолютной системой референции, хотя ей предшествует встроенная [de León 1994]. В работе Г. Кэблиц показано, что носители маркизского языка уже в возрасте четырех лет используют абсолютную систему столь же интенсивно, как и взрослые; при этом релятивная система ими игнорируется [Cablitiz 2006]. П. Котро-Райс выяснила, что канаки в четыре года интенсивно используют абсолютную систему, но со временем возрастает использование релятивной системы, что связано с влиянием французского языка, на котором ведется преподавание в школе [Cottureau-Reiss 1999]. В исследовании Ле Гуэна показано, что носители юкатекского языка уже в возрасте пяти лет используют встроен-

ную систему референции, а в тестах на невербальное поведение демонстрируют абсолютную тенденцию [Le Guen 2006]. Подробно проблема усвоения систем референции на материале разных языков обсуждается также Левинсоном: он приходит к выводу о том, что релятивная система во всех случаях усваивается позже других, а первичность абсолютной или встроенной системы зависит от усваиваемого языка [Levinson 2004: 307–313].

На основе рассмотренных исследований можно утверждать, что аллоцентрическое кодирование является более естественным для человека. Раньше всего усваиваются топологические описания и далее в зависимости от обстоятельств на их основе развивается либо встроенная, либо абсолютная система референции (в некоторых случаях они могут развиваться параллельно). Позже других усваивается эгоцентрическое кодирование. Степень усвоения и использования систем зависит от усваиваемого языка и социокультурных практик, в которых он реализуется. Вне зависимости от конкретных вариаций главный тезис, заключающийся в том, что эгоцентрическое кодирование формируется позже аллоцентрического кодирования, верен, по-видимому, для всех языков.

* * *

В заключительной части нашего очерка мы бы хотели вкратце рассмотреть теоретические подходы, на основе которых могут анализироваться описанные эксперименты по пространственной концептуализации. Существует достаточно много неорелятивистских теорий, но мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Первый подход представлен в фундаментальном исследовании С.Левинсона [Levinson 2003]. Левинсон в целом тяготеет к конструктивистской позиции. Он пишет: «Несмотря на то, что многие современные теории подчеркивают врожденный характер лингвистических и концептуальных категорий, факты лингвистического и когнитивного разнообразия говорят в пользу большой роли конструктивизма в человеческой когнитивности. Конструктивизм полностью совместим с универсалиями, врожденными склонностями и специфическим развитием, и требуется понять, какую роль способно играть усвоение языка в реструктурировании когнитивности» [Ibid.: 325]. Левинсон выступает против отождествления лексики языка и категорий мышления, то есть семантических структур и концептуальных структур: по его мнению, семантические представления не тождественны концептуальным и не отличны полностью от них; соотношение между семантическими структурами и концептуальными структурами лучше всего описывается как частичный изоморфизм. В результате критического разбора взглядов Р. Джекендоффа и Дж. Фодора по вопросу о способах реализации универсальных концептуальных структур в семантике естественного языка Левинсон приходит к выводу о том, что необходимо признать существование двух самостоятельных уровней ментального кодирования: низшего уровня, на котором происходит декомпозиция лексем на универсальные концептуальные «атомы», и высшего уровня, на котором мы оперируем самими лексемами естественного языка. «Основные концепты высшего уровня – это сущности, оформленные в виде лексических значений, и они различаются от языка к языку. На этом уровне мы используем наше повседневное мышление, и следовательно, для него нужно предполагать уорфианский эффект, то есть влияние языка на когнитивность. С другой стороны, мы не ограничены этими концептами высшего уровня, поскольку они, если встает необходимость, могут быть разложены на составные концепты низшего уровня с относительной легкостью. Подобные концепты низшего уровня, или по крайней мере некоторые из них, претендуют на универсальность (хотя из этого, конечно, не следует с необходимостью, что они являются врожденными; можно с большой долей вероятности утверждать, что они возникают в результате взаимодействия организма с общим опытом земного существования). Таким образом, подобная двухуровневая теория позволяет нам всерьез рассматривать возможность уорфианского эффекта, то есть влияния языка на когнитивность, и в то же время апеллировать к фундаментальному

“психическому единству человечества”... Уорф, несмотря на неясности и преувеличения в его работах, придерживался приблизительно таких же “двухуровневых” взглядов, делая различие между универсальным восприятием и находящейся под влиянием языка концептуализацией» [Levinson 2003: 300]. Левинсон выделяет несколько типов уорфианского эффекта: эффект уже высказанных мыслей, эффект при порождении речи и эффект при восприятии и запоминании событий. Последний эффект особенно важен: «Любой язык, принуждающий к специфическому языковому кодированию событий, будет способствовать тому, чтобы его носители запоминали релевантные параметры событий в тот момент, когда события воспринимаются» [Ibid.: 302].

Система референции, реализованная в естественном языке, является частным случаем семантической структуры. Левинсон считает, что на уровне базовых характеристик и составных элементов референциальные системы универсальны, но в том виде, в каком системы представлены в конкретном языке они суть «биокультурные гибриды, каковым в действительности является сам язык», ведь «универсальное и относительное глубоко переплетено в любой лингвистической системе» [Ibid.: 324]. Общая архитектура пространственных репрезентаций, по мысли Левинсона, включает в себя пропозициональные представления, геометрические представления, ментальные схемы, представления навигационного счисления пути, когнитивные карты, тактильно-кинестетические представления, двумерную проекцию трехмерных объектов и реконструкцию трехмерных объектов; соотношение этих элементов дается Левинсоном в виде модели, см. [Ibid.: 287]. Доминирующая в языке система референции оказывает принципиальное воздействие на кодирование пространственных репрезентаций: «Как только язык предпочел данную систему референции, а не какую-либо иную, все системы, поддерживающие язык, от памяти до мышления и жестов, должны обеспечивать информацию с помощью именно этой системы референции» [Ibid.: 290]. Универсальность референциальных систем заключается не в том, что они доступны в готовом виде в качестве некоей «врожденной идеи», а в том, что они являются биокультурной возможностью. Реально системы усваиваются в процессе усвоения языка. Следовательно, усвоение языка не просто пассивно отражает внутреннее концептуальное развитие, но активно структурирует когницию (по крайней мере, ее «высший» уровень). При этом Левинсон допускает возможность кодирования информации на базе системы даже в случае ее отсутствия в языке: например, носители гуугу йимитхирр или цельталь в определенных условиях могут демонстрировать релятивное кодирование, поскольку оно тесно связано с нашим визуальным восприятием. Свои взгляды Левинсон определяет не как абсолютный конструктивизм, а как частичный конструктивизм: «Язык выбирает один или несколько типов систем референции из набора, изначально доступного в сенсорных модальностях, конструирует отдельные реализации этих типов или их отдельные признаки и, таким образом, частично конструирует систему» [Levinson 2003: 214].

Несколько иной подход представлен в монографии П. Дасена и Р. Мишры [Dasen, Mishra 2010]. По их мнению, базовые когнитивные процессы универсальны, а культурные различия в когниции связаны с контекстуальными и ситуативными различиями, в которых явлены когнитивные процессы. К базовым когнитивным процессам Дасен и Мишра относят классификацию, запоминание, проблематизацию, умозаключение, логическое мышление и др. Для подчеркивания культурных различий Дасен и Мишра обращаются к идеи «когнитивного стиля» – выработанных или унаследованных особенностей восприятия, запоминания, обработки и представления информации. «Мы имеем дело с когнитивным стилем, когда разные индивидуумы (или разные группы) реагируют на когнитивную проблему (задание, тест, эксперимент и т.д.) по-разному и притом систематически по-разному, хотя они обладают одними и теми же основными когнитивными способностями или компетенцией. Они “предпочитают” реагировать специфическим образом под влиянием группы факторов – таких как возраст, пол, предыдущий опыт, социализация и т. д. Конечно, это не обязательно сознательный “выбор”; скорее, это бессознательный выбор, связанный с привычками, обычаями или предпочитаемыми ценностями – иначе говоря, с “культурой”. Важный аспект когнитивных

стилей заключается в том, что по отношению к конкретному выбору не может быть оценочного подхода. По сути, не существует “лучшего” или “более продвинутого” способа реагировать» [Ibid.: 11]. Свою позицию Дасен и Мишра характеризуют как «умеренный релятивизм»: по их мнению, когнитивные способности могут быть представлены до какой-то степени независимыми от языка, так что не только язык влияет на когнитивные способности, но и когнитивные способности влияют на язык; при этом язык ими мыслится лишь как один из аспектов культуры, и прочие эокультурные факторы также оказывают влияние на невербальное поведение. Дасен и Мишра также отмечают, что лингвистическую относительность легче выявить в качестве тенденции на групповом уровне, в то время как на индивидуальном уровне можно показать частичную независимость когниции от языка.

Именно в контексте проблематики когнитивных стилей должно пониматься различие между моделями пространственной концептуализации и, в частности, между системами референции: «Культурные различия в когниции принадлежат в большей степени к когнитивным стилям, чем к присутствию процесса в одной культурной группе и его отсутствию в другой. Мы думаем, что этот общий вывод также верен в отношении процессов пространственной когниции и, в частности, в отношении центральной проблемы данной работы – проблемы “выбора” между эгоцентрической и геоцентрической системой пространственного кодирования» [Dasen, Mishra 2010: 13–14]. Следовательно, различия в концептуализации пространства – это различия в когнитивном стиле, а не только в языке: «Пространственные когнитивные процессы не могут быть приписаны одной культурной характеристике под названием “язык”; сумма других характеристик, конституирующих структурный контекст развития детей, также должна учитываться для понимания отношений между языком и когницией» [Ibid.: 183]. К важным культурным факторам, влияющим на пространственную концептуализацию, они относят: эокультурные условия, социоэкономический статус, религию, образ жизни, билингвизм и др. Подобно Левинсону, Дасен и Мишра делают различие между «глубинным» и «внешним» уровнями когниции: потенциально системы референции доступны каждому на глубинном уровне, но фактически они реализуются всегда в рамках конкретного когнитивного стиля. «Если мы следуем интерпретации культурных различий с учетом идеи когнитивного стиля, то это значит, что, какая бы система референции ни была выбрана, все же базовые процессы, лежащие в основе пространственного языка и когниции, универсальны, – если и не на внешнем уровне актуальной реализации, то, по крайней мере, на “глубинном” уровне компетенции» [Ibid.: 301]. При этом, разумеется, Дасен и Мишра считают различия на внешнем уровне весьма существенными для поведения и культуры.

Другая теоретическая позиция представлена в монографии Дж. Беннардо [Bennardo 2009]. Мы уже анализировали модель Беннардо, поэтому сейчас не будем на ней специально останавливаться. Отметим только тот факт, что проблема лингвистической относительности в ее классической формулировке отвергается Беннардо. В рамках его теории нужно говорить о доминировании тех или иных структур внутри универсальной когниции. Ключевую роль играет модуль пространственных представлений, поэтому усвоение языка с определенным типом пространственной концептуализации накладывает отпечаток на все другие модули. Беннардо несколько отходит от типологии Левинсона и строит свою типологию референциальных систем, в которой системы выстроены иерархически. В конечном счете, все системы восходят к базовой радиальной прасистеме [Ibid.: 182–186].

Все рассмотренные позиции характеризуются сочетанием элементов универсализма и релятивизма, различением глубинного и внешнего уровней, а также осознанием того, что понятие «когниция» шире понятия «язык» и включает в себя понятие «язык», но при этом усвоение языка на внешнем уровне аффицирует когнитивные способности. В понимании роли языка нам представляется лучше всего обоснованной позиция С. Левинсона. Модель Левинсона разработана подробнее других, она опирается на большее количество экспериментов и просто лучше соответствует фактам. Дасен и Мишра

критикуют Левинсона за то, что он преувеличил значение языка и обошел вниманием значение других культурных факторов. Так, анализируя результаты экспериментов, проводившихся с индийскими школьниками, они пишут: «Невозможно выделить язык как каузальный фактор в отношении когниции, поскольку он не встречается отдельно от более общего культурного контекста, то есть он сам приспособливается к экологическому контексту. Система ориентации, основанная на фиксированных направлениях, подобная той, что встречается в сельской местности в Индии, полностью соотносится как с индуизмом и символическими обозначениями, так и с повседневными делами и заботами» [Dasen et al. 2003]. Подобная критика, действительно, распространена, но, как нам кажется, она бьет мимо цели, поскольку высказываемые здесь тезисы не противоречат методологии Левинсона. Невозможно мыслить язык без учета того, как и при каких обстоятельствах он используется. Нет языка без его использования или, по крайней мере, без понимания того, как он должен использоваться. Данное утверждение вдвойне верно в отношении пространственной концептуализации. Поэтому Левинсон неоднократно отмечает, что он считает системы референции биокультурными гибридами, а не просто языковыми феноменами. В рассматриваемых Дасеном и его коллегами примерах мы, по сути, имеем дело с ситуацией, когда в городском варианте языка нормативной является фраза «Человек стоит слева от дерева», а в деревенском или более традиционном варианте – фраза «Человек стоит к северу от дерева» и это различие коррелирует с различием в невербальном кодировании. Можно ли считать, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же языком хинди? Ответ, безусловно, зависит от более общей теоретической позиции, но представляется, что в рамках рассматриваемой проблемы необходимо как-то разграничивать эти формы языка (например, как диалектные вариации). Во всяком случае, мы точно не можем утверждать, что различие в невербальном кодировании обусловлено в данном случае в большей степени культурными, чем языковыми факторами; также нельзя согласиться с тезисом Дасена и его коллег о том, что вопрос о каузальном значении языка или культуры равносильен вопросу о первичности яйца или курицы.

Подход Левинсона не отрицает возможности влияния культурных факторов на когницию и язык (в конце концов, языки тоже меняются под влиянием культуры). Но из имеющихся на данный момент типологических материалов с очевидностью следует, что определяющую роль в структурировании когниции играет именно язык, а не иные культурные факторы. Например, абсолютная система референции встречается в совершенно разных культурных группах по всему миру. Среди носителей языков с такой системой можно найти представителей самых разных религий, которые проживают в разнообразных экологических зонах. Встречаются индуисты, христиане, мусульмане, сторонники анимизма и других традиционных верований. Носители таких языков живут в пустыне, саванне, тундре, тропиках, субтропиках и др. Среди них есть как охотники-собиратели, так и земледельцы (см. уже приводившуюся выше таблицу 1). Их объединяет лишь то, что они, как правило, не живут в городах (исключения встречаются редко). Но сама по себе деревенская жизнь не является причиной абсолютного кодирования, поскольку существует множество народов, живущих в деревнях и использующих релятивное кодирование. Отсутствие (или, по крайней мере, ограниченное использование) абсолютного кодирования среди жителей городов, вероятно, объясняется тем фактом, что переезд в город предполагает разрыв с традиционным образом жизни и принятие новых ценностных парадигм, которые часто в совокупности с билингвизмом ведут к изменениям внутри языка (см. многочисленные примеры в монографии Дасена и Мишры [Dasen, Mishra 2010]). Из материалов Исследовательской группы по когнитивной антропологии следует, что носители языков с доминирующей абсолютной системой неизменно демонстрируют абсолютную тенденцию в невербальном поведении. Как мы видим, подобная корреляция не может объясняться чем-либо иным, кроме как использованием соответствующего языка. Таким образом, определяющим фактором в формировании пространственных представлений является именно язык, хотя он никогда не выступает в качестве единственного фактора и его невозможно

представить вне социокультурного контекста. В этой связи последующим теоретикам неорелятивизма, вероятно, следует учесть замечания Дж. Беннардо о сосуществовании социального и языкового модулей внутри когниции. Интересно, что к похожим выводам приходит также С. Левинсон, который в одной из своих работ выделяет специальный «коммуникативный аспект» когниции [Levinson 2006b].

Проблема корреляции пространственных представлений с невербальным кодированием исследуется несколько десятилетий, и уже сейчас видно, насколько новые исследования превосходят чисто спекулятивные работы релятивистов первой волны (Б. Уорф, М. Матхиот, Г. Хойер, Д. Ли и др.). Тем не менее пока можно говорить только о начальном этапе в изучении этой проблемы. Прежде всего, требуется расширение эмпирического материала (на данный момент подробно рассмотрены лишь несколько десятков языков). Методология школы Левинсона, и в первую очередь методика проведения тестов на невербальное поведение, также требует усовершенствования. Следовательно, все представленные результаты являются предварительными и для построения целостной теории еще требуется время. А. Маджид и ее коллеги справедливо замечают, что в процессе развития теории пространственной концептуализации должны быть получены ответы на следующие вопросы [Majid et al. 2004: 113]:

Каковы нейрокогнитивные основы лингвистических систем референции? До какой степени здесь возможны вариации?

- Как дети усваивают лингвистические системы референции? И когда лингвистические системы референции начинают влиять на пространственную репрезентацию?
- Каковы когнитивные последствия билингвизма в случае владения языками с разными системами референции?
- Не все деревенские общества используют абсолютную систему референции, но городские жители, похоже, используют релятивную систему. Почему это так?
- Какие механизмы используют носители языков с абсолютной системой, чтобы отслеживать направления внутри этой системы?
- Лучше ли носители абсолютных языков носителей релятивных языков справляются с видонезависимым распознаванием объектов?

В качестве финальной ремарки мы бы хотели сделать одно крайне важное замечание. Дело в том, что исследования последних десятилетий вновь обнажили актуальную проблему современности – проблему гибели языков и трансформации языковых сообществ. Один из главных аргументов сторонников охраны языковых сообществ заключается в том, что вымирание языков ведет к вымиранию картин мира, что представляет собой безусловную потерю с точки зрения человеческой культуры и нарушает общечеловеческую «экосистему культурного, интеллектуального и лингвистического многообразия» [Krauss 2007: 16]. Данный тезис справедлив, но по-видимому, проблема несколько сложнее. Неорелятивистские исследования вскрыли те аспекты данной проблемы, которым раньше уделялось недостаточно внимания. Трагическим следствием глобализации является не только вымирание языков. Не менее пагубный феномен представляет собой повсеместное нарушение естественных культурных условий функционирования языка – нарушение, сопровождающееся безвозвратной трансформацией самого языка и моделей его функционирования. Данный процесс хорошо заметен на примере пространственных систем референции. Как следует из работы Де Леон, современные аборигены гуугу йимитхирр уже не усваивают в полной мере традиционную форму своего языка: из 26 детей только три усвоили абсолютную систему референции, при этом язык гуугу йимитхирр находится под сильнейшим влиянием креольского варианта английского языка [de León 1995]. Если бы не своевременно подготовленные работы Хэвиленда и Левинсона, то мы, возможно, никогда бы и не узнали, что существуют языки, использующие только абсолютную систему референции! Многочисленные примеры подобного рода могут быть также почерпнуты

из работы Дасена и Мишры: результаты тестирования индийских, непальских и балийских детей показали, что модернизация, урбанизация и билингвизм являются важным фактором в забвении традиционной абсолютной системы и предпочтении релятивной системы (хотя здесь действует целая группа факторов, и этот процесс является гораздо более сложным, чем кажется на первый взгляд); так, через заимствования из индонезийского языка в балийском формируется эгоцентрическая референциальная система, балийские дети под влиянием школьного обучения на индонезийском начинают меньше использовать традиционную абсолютную систему и т.д. [Dasen, Mishra 2010]. Примеры подобного вырывания языка из традиционных условий его функционирования – примеры «искоренения» языка – могут быть обнаружены практически в каждом современном исследовании по когнитивной антропологии. Проблема еще и в том, что сейчас все сложнее найти необходимые для корректного исследования случаи чистого монолингвизма, сочетающегося с традиционным образом жизни. Таким образом, на данный момент самый большой вызов для лингвистической относительности – это не радикальные нативисты, считающие различия между языками «поверхностными» и «несущественными» (заметим, что подобные высказывания очень часто выходят за рамки науки и являются, по сути, идеологически ангажированными западноцентристскими суждениями); в действительности главный «оппонент» релятивизма и многообразия – это современные тенденции развития человечества. И вероятно, не за горами то время, когда под влиянием интенсивных глобализационных процессов лингвистическая относительность будет окончательно и бесповоротно «опровергнута»...

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

3	3-е лицо	GEN	генитив
ABL	аблатив	INDF	неопределенность
ACC	аккузатив	IPFV	имперфектив
APPL	аппликатив	LOC	локатив
ART	артикл	NOM	номинатив
DU	двойственное число	NPST	непрошедшее время
CL	клитика	PREP	предлог
CLF	классификатор	PROG	прогрессив
COM	комитатив	PRS	настоящее время
CONN	соединительное слово	REL	относительное прилагательное
DAT	датив	SBJ	субъект
DEM	указательное местоимение	SG	единственное число
ERG	эргатив	TOP	тема

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кант 1964 – И. Кант. О первом основании различия сторон в пространстве // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964.
- Лакофф 2004 – Дж. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
- Мазурова 2005 – Ю.В. Мазурова [Рец. на:] G. Bennardo (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002 // ВЯ. 2005. № 2.
- Пинкер 2004 – С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.
- Сепир 1993 – Э. Сепир. Статус лингвистики как науки // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Уорф 1960 – Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
- Bender et al. 2010 – A. Bender, S. Beller, G. Bennardo. Temporal frames of reference: Conceptual analysis and empirical evidence from German, English, Mandarin Chinese, and Tongan // Journal of cognition and culture. 2010. V. 10.
- Bennardo 1996 – G. Bennardo. A computational approach to a spatial cognition: Representing spatial relationships on Tongan language and culture. Ph. D. diss. Urbana (Illinois), 1996.

- Bennardo 2002 – *G. Bennardo* (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002.
- Bennardo 2003 – *G. Bennardo*. Language, mind, and culture: From linguistic relativity to representational modularity // *M. Banich, M. Mack* (eds). Mind, brain and language: Multidisciplinary perspectives. New York, 2003.
- Bennardo 2004 – *G. Bennardo*. Linguistic untranslatability vs. conceptual nesting of frames of reference // *K. Forbus, D. Gentner, T. Regier* (eds). Proceedings of the 26th annual conference of the Cognitive science society. New York, 2004.
- Bennardo 2009 – *G. Bennardo*. Language, space and social relationships. A foundational cultural model in Polynesia. Cambridge, 2009.
- Bohnenmeyer, Stolz 2006 – *J. Bohnemeyer, Ch. Stolz*. Spatial reference in Yukatek Maya: A survey // *S.C. Levinson, D. Wilkins* (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Brown 2006 – *P. Brown*. A sketch of the grammar of space in Tzeltal // *S.C. Levinson, D. Wilkins* (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Brown, Levinson 1992 – *P. Brown, S.C. Levinson*. 'Left' and 'right' in Tenejapa: Investigating a linguistic and conceptual gap // *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1992. Bd. 45.
- Brown, Levinson 1993a – *P. Brown, S.C. Levinson*. Linguistic and nonlinguistic coding of spatial arrays: Explorations in Mayan cognition. Nijmegen, 1993.
- Brown, Levinson 1993b – *P. Brown, S.C. Levinson*. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal // *Journal of linguistic anthropology*. 1993. V. 3.
- Brown, Levinson 1994 – *P. Brown, S.C. Levinson*. Immanuel Kant among the Tenejapans: Anthropology as empirical philosophy // *Ethos*. 1994. V. 22.
- Brown, Levinson 2000 – *P. Brown, S.C. Levinson*. Frames of spatial reference and their acquisition in Tenejapan Tzeltal // *L. Nucci, G. Saxe, E. Turiel* (eds). Culture, thought, and development. Mahwah (NJ), 2000.
- Brugman 1983 – *C. Brugman*. The use of body-part terms as locatives in Chalcatongo Mixtec // *Survey of California and other Indian languages*. 1983. V. 4.
- Cablitz 2006 – *G. Cablitz*. Marquesan. A Grammar of space. Berlin; New York, 2006.
- Cottureau-Reiss 1999 – *P. Cottureau-Reiss*. L'espace kanak ou comment ne pas perdre son latin! // *Annales de la Fondation Fyssen*. 1999. № 14.
- Danziger 1993 – *E. Danziger*. Cognition and space kit, version 1.0. Nijmegen, 1993.
- Dasen et al. 2003 – *P. Dasen, R. Mishra, S. Niraula*. Ecology, language and performance on spatial cognitive tasks // *International journal of psychology*. 2003. V. 38.
- Dasen, Mishra 2010 – *P. Dasen, R. Mishra*. Development of geocentric spatial language and cognition. Cambridge, 2010.
- Evans, Levinson 2009 – *N. Evans, S.C. Levinson*. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // *Behavioral and brain sciences*. 2009. V. 32.
- Francois 2004 – *A. Francois*. Reconstructing the geocentric system of Proto-Oceanic // *Oceanic linguistics*. 2004. V. 43.
- Gentner, Goldin-Meadow 2003 – *D. Gentner, S. Goldin-Meadow*. Whither Whorf // *D. Gentner, S. Goldin-Meadow* (eds). Language in mind. Advances in the study of language and thought. Cambridge (MA), 2003.
- Gipper 1971 – *H. Gipper*. Gibt es ein sprachliches Relativitätsprinzip? Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. Frankfurt am Main, 1971.
- Hanks 1990 – *W. Hanks*. Referential practice: Language and lived space in a Maya community. Chicago, 1990.
- Haviland 1979 – *J.B. Haviland*. Guugu Yimidhirr // *R.M.W. Dixon, B. Blake* (eds). Handbook of Australian languages. V. 1. Canberra, 1979.
- Haviland 1993 – *J.B. Haviland*. Anchoring, iconicity and orientation in Guugu Yimithirr pointing gestures // *Journal of linguistic anthropology*. 1993. V. 3.
- Haviland 1998 – *J.B. Haviland*. Guugu Yimithirr cardinal directions // *Ethos*. 1998. V. 26.
- Haun et al. 2006 – *D. Haun, C. Rapold, J. Call, G. Janzen, S.C. Levinson*. Cognitive cladistics and cultural override in Hominid spatial cognition // *Proceedings of the National academy of sciences of the United states of America*. 2006. V. 103.
- Haun et al. 2011 – *D. Haun, C. Rapold, G. Janzen, S.C. Levinson*. Plasticity of human spatial memory: Spatial language and cognition covary across cultures // *Cognition*. 2011. V. 119.

- Jackendoff 1992 – R. Jackendoff. Languages of the mind: Essays on mental representation. Cambridge (MA), 1992.
- Jackendoff 2007 – R. Jackendoff. Language, consciousness, culture: Essays on mental structure. Cambridge (MA), 2007.
- Kita 2006 – S. Kita. A grammar of space in Japanese // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Krauss 2007 – M. Krauss. Keynote – mass language extinction and documentation: The race against time // O. Miyaoka, O. Sakiyama, M. Krauss (eds). The vanishing of languages of the Pacific rim. Oxford, 2007.
- Le Guen 2006 – O. Le Guen. L'organisation et l'apprentissage de l'espace chez le Mayas Yucatèques du Quintana Roo, Mexique. Unpublished thesis. 2006.
- de León 1994 – L. de León. Exploration in the acquisition of geocentric location by Tzotzil children // Linguistics. 1994. V. 32.
- de León 1995 – L. de León. The development of geocentric location in young speakers of Guugu Yimithirr. Nijmegen, 1995.
- Levinson 1994 – S.C. Levinson. Vision, shape, and linguistic description: Tzeltal body-part terminology and object description // Linguistics. 1994. V. 32.
- Levinson 1996 – S.C. Levinson. Frames of reference and Molyneux's question: Cross-linguistic evidence // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel, M. Garret (eds). Language and space. Cambridge, 1996.
- Levinson 1997 – S.C. Levinson. Language and cognition: The cognitive consequences of spatial description in Guugu Yimithirr // Journal of linguistic anthropology. 1997. V. 7.
- Levinson 2003 – S.C. Levinson. Space in language and cognition. Cambridge, 2003.
- Levinson 2006a – S.C. Levinson. The language of space in Yéli Dnye // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Levinson 2006b – S.C. Levinson. On the human «interaction engine» // N.J. Enfield, S.C. Levinson (eds). Roots of human sociality: Culture, cognition and interaction. Oxford, 2006.
- Levinson 2012 – S.C. Levinson. The original sin of cognitive science // Topics in cognitive science. 2012. № 4.
- Levinson, Gumperz 1996 – S.C. Levinson, J. Gumperz (eds). Rethinking linguistic relativity. Cambridge, 1996.
- Levinson, Wilkins 2006 – S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Levinson et al. 2012 – S.C. Levinson, G. Janzen, D. Haun. Tracking down abstract linguistic meaning: Neural correlates of spatial frame of reference ambiguities in language // PLoS One. 2012. V. 7.
- Li et al. 2011 – P. Li, L. Abarbanell, L. Gleitman, A. Papafragou. Spatial reasoning in Tenejapan Mayans // Cognition. 2011. V. 120.
- Lucy 1992a – J. Lucy. Language diversity and thought. A reformulation of the linguistic relativity hypothesis. Cambridge, 1992.
- Lucy 1992b – J. Lucy. Grammatical categories and cognition. Cambridge, 1992.
- Majid et al. 2004 – A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. Haun, S.C. Levinson. Can language restructure cognition? The case for space // Trends in cognitive sciences. 2004. V. 8.
- McGregor 2006 – W. McGregor. Prolegomenon to a Warrwa grammar of space // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Palmer 2002a – B. Palmer. Absolute spatial reference and grammaticalisation of perceptually salient phenomena // G. Bennardo (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002.
- Pederson 1993 – E. Pederson. Geographic and manipulable space on two Tamil linguistic systems // U. Andrew, F. Campari, I. Campari (eds). Spatial information theory: A theoretical basis for GIS. Berlin, 1993.
- Pederson 2006 – E. Pederson. Spatial language in Tamil // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Pederson 2007 – E. Pederson. Cognitive linguistics and linguistic relativity // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds). The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford, 2007.
- Pederson et al. 1998 – E. Pederson, E. Danziger, D. Wilkins, S.C. Levinson, S. Kita, G. Senft. Semantic typology and spatial conceptualization // Language. 1998. V. 74.
- Piaget, Inhelder 1956 – J. Piaget, B. Inhelder. The child's conception of space. London, 1956.
- Senft 1997 – G. Senft (ed.). Referring to space: Studies in Austronesian and Papuan languages. Oxford, 1997.

- de Silva 1931 – *H. de Silva*. A case of a boy possessing an automatic directional orientation // *Science*. 1931. V. 73.
- Troadec 2009 – *B. Troadec*. Genèse de connaissances et contextes écologiques et culturels: les exemples de l'espace et du temps. Habilitation à diriger des recherches. Bordeaux, 2009.
- Senft 2007 – *G. Senft*. The Nijmegen space games: studying the interrelationship between language, culture and cognition // *J. Wassmann, K. Stockhaus (eds)*. *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Wassmann, Dasen 1998 – *J. Wassmann, P. Dasen*. Balinese spatial orientation: Some empirical evidence of moderate linguistic relativity // *Journal of the Royal anthropological institute*. 1998. V. 4.
- Wassmann, Dasen 2006 – *J. Wassmann, P. Dasen*. How to orient yourself in Balinese space: combining ethnographic and psychological methods for the study of cognitive processes // *J. Straub, D. Seidemann, C. Kolbl, B. Zielke (eds)*. *Pursuit of meaning: advances in cultural and cross-cultural psychology*. Bielefeld, 2006.
- Wassmann, Stockhaus 2007 – *J. Wassmann, K. Stockhaus (eds)*. *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Widlok 2007 – *T. Widlok*. Conducting cognitive tasks and interpreting the results: the case of spatial inference tasks // *J. Wassmann, K. Stockhaus (eds)*. *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Wilkins 2006 – *D. Wilkins*. Towards an Arrernte grammar of space // *S.C. Levinson, D. Wilkins (eds)*. *Grammars of space. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2006.
- Whorf 1956 – *B. Whorf*. *Language, thought and reality*. Cambridge (MA), 1956.
- Zlatev 2007 – *J. Zlatev*. Spatial semantics // *D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds)*. *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Oxford, 2007.

Сведения об авторе:

Сергей Юрьевич Бородай
Институт востоковедения РАН
sergey_boroday@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2012.